

Л. В О Р О Н К О В А

СЕЛО
ГОРОДИЩЕ

ДЕТГИЗ
1947

Л. ВОРОНКОВА

В 743

СЕЛО ГОРОДИЩЕ

ПОВЕСТЬ

Государственное Издательство Детской Литературы
Министерства Просвещения РСФСР
Москва 1947 Ленинград

Рисунки В. Ермолова

Обложка А. Пластова

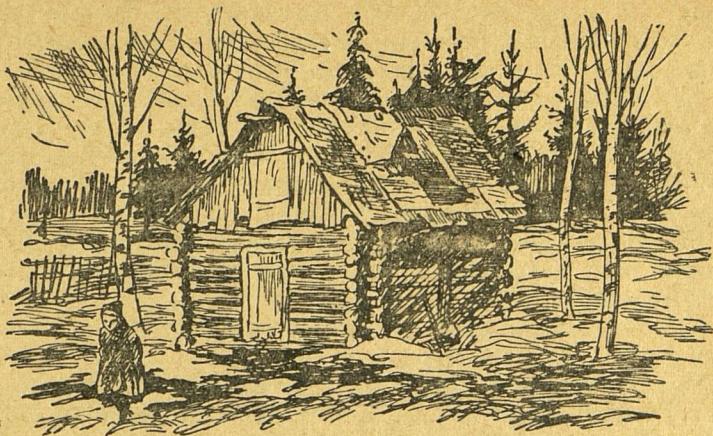
~~2349~~

1867-69 г.

~~НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
ДОЛЯ ДЕТСКИХ КНИГ
ДЕТРИЗА~~

680804 КХ: ред

Российская государственная
детская библиотека

1. ПРЕДСЕДАТЕЛЕВА ДОЧКА

Груня глядела в маленькое, криво прорубленное окошко, прижавшись лбом к неструганному переплету рамы. Дождевые капли оседали на стекле, и сквозь их скупой блеск Груне видны были голые березы у дороги, непогодливое серое небо и широкая пустая улица, утонувшая в грязи и снегу.

— Не видать? Не едут? — спросила мать.

— Никакой машины нет... — ответила Груня. Но вдруг поднялась на цыпочки и торопливо протерла ладонью стекло. — А вот, подождите... Какой-то человек идет!

— Какой человек?

— Чужой. В брезент закутался.

Из одного угла отозвалась соседка Федосья, из другого — Грунина бабушка. И в один голос спросили:

— Куда идет-то? Сюда?

— Идет, оглядывается, — усмехнулась Груня, — деревню ищет. Все, кто чужие, теперь как приходят, так нашу деревню

ищут. А деревни-то и нет! Остановился... Кого-то увидал. А! Отца увидал. Теперь вместе сюда идут. Надо в печку щепок подбросить — очень дяденька мокрый идет!

Груня проворно подошла к печке. Обжигаясь, отдернула железную дверцу и бросила пригоршню щепок на горячие угли. Красный свет сразу облил Груню, и в полумраке стали отчетливо видны ее светлые волосы до плеч, ее маленькое лицо с прижмуренными от печного жара глазами.

За стеной зачавкали шаги. В дверь ворвался сырой ветер. Вошел отец, хромя и крепко опираясь на палку. А за ним человек в брезенте.

— Вот так и живем, — сказал отец и развел руками, как бы предлагая гостю полюбоваться. — Был сараюшко, лежали тут старые колеса да всякий хлам. А теперь вот председатель живет с семьей. И тут же, вишь, соседка Федосья с нами притулилась. Только перед войной избу поставила, жила в хоромах! А сейчас — вот она, на сундучке скорчилась. Сбились в кучу, как овцы. А что же поделаешь? Жить-то надо!

— Жить надо, — сказал человек в брезенте, подсаживаясь к огню.

Отец нетерпеливо постукивал палкой, видимо дожидаясь, чтобы гость начал разговор. Но тот похлопывал перед огнем озябшими руками и молчал. Отец не выдержал:

— Говоришь, картошку привез, а где же она? Уж мы сегодня все глаза проглядели!

— Вот то-то и дело, где она, — сказал человек в брезенте, доставая кiset. — Она вон где — за три километра. На шоссе стоит. Машина к вам сюда по грязи не идет. Вот и гляжу — как теперь быть с вами? Я думал, тут у вас лошади есть, перевезли бы... А у вас тут ни кола, ни двора. Не то обратно ехать?..

Отец заволновался, затеребил свой короткий светлый ус.

— Куда обратно? Да что ж это! Район нам семена прислал, а ты — обратно? Да ведь у нас ни картошины нет!

— А что же я, на горбу притащу? — отвечал гость, закручивая цыгарку. — Или до хорошей погоды буду на шоссе стоять?

Отец еще сильнее задергал свой ус.

— Что же делать-то будем, а? Бабы!

— А что же делать? — сказала мать своим негромким голо-сом. — Надо нам всем колхозом собраться да на горбу и тащить. Товаришу-то, — она кивнула головой на приезжего, — уезжать надо. Он картошку может и обратно увезти. А уж мы-то картошку обратно отпустить никак не можем. Нам поле неза-сеянное оставить никак нельзя. Да что я тебя, Василий Матвее-вич, учу, — ты и сам все лучше меня знаешь!

Отец быстро встал, надвинул шапку и застучал палкой к двери.

— Ну, вы, когда так, собирайтесь. Пойду народ созову. А уж ты, друг, не торопись. Сейчас всем миром нагрянем, осво-бодим тебе машину!

— Пускай и ребятишки идут! — крикнула ему вслед мать. А сама стала одеваться.

— И ребятишки? — спросила Груня. — А я?

— Да куда ты еще пойдешь! — сказала соседка Федосья. — Башмаки на ногах худые, на улице — холод да грязь. Авось и без тебя управятся.

Груня обрадовалась. Как хорошо, что без нее управятся! На улице холодно, на весну не похоже. Грачи прилетели, а весны не принесли, сами ходят мокрые, как вороны. Итти до шоссе по грязи, по мокрому снегу, под дождем... А потом тащить оттуда картошку... А ведь картошка-то — она, как камень, тяжелая!.. Но если управятся... Так уж лучше она останется дома.

— Зато ужин сварю, щепок засушу на завтра... да, мам?

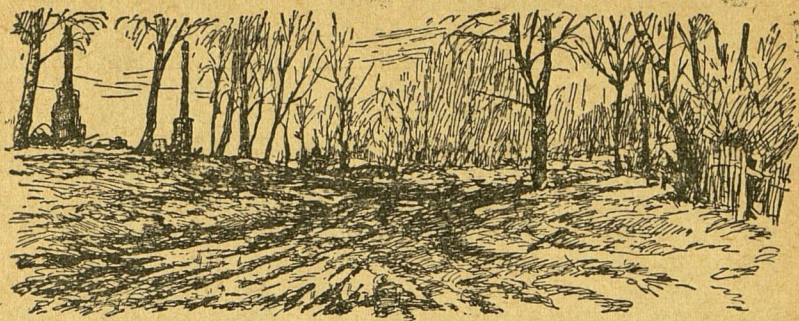
Мать не отвечала Груне. Она достала с полки мешок и глядела — не худой ли. Соседка Федосья подпоясала широкий холщевый фартук.

— Мешка-то у меня нет ни одного. В фартук насыплю.

— Может, и мне встать? — проохала бабушка. — Все пол-мерки приташу!

— Лежи, лежи, мама, — сказала мать, — лежи и не беспо-койся. Куда ты пойдешь? Тебя и так-то ноги не держат!

Груня не знала, что делать. Бабушка и то итти хочет, а она не идет. Но ведь говорят, что управятся... И потом, у нее баш-

маки совсем худые стали, промокают... Но тут, некстати, живые глаза ее заметили, как обута толстая больная соседка Федосья — худые калоши, привязанные к валенкам веревочками. А валенки разбитые, разбухшие...

Груня схватила свою единственную одежку, оставшуюся от пожара, — рыжий овчинный полушубок, — и быстро оделась.

— Я тоже пойду, мам!

А мать словно и так знала, что Груня пойдет.

— Ступай зови девчонок, — сказала она, — пускай ведра берут, корзинки, мешки — у кого что есть. Всех зови! Только смотри ни на кого не кричи, не ссорься, говори с людьми по-хорошему. Так-то лучше будет.

2. ОСОБЫЙ ЧЕЛОВЕК

Груня вышла на улицу. Улицу намечали только деревья, растущие вдоль дороги, да кусты палисадника. Но ни одной избы не было на посаде. Лишь печные трубы торчали над темными горами кирпича и глины. Странный, сиротливый вид был у этих труб, словно зябли они под дождем и ветром, потому что привыкли стоять под крышей, в теплой избе...

Домов нет. Можно подумать, что и людей здесь нет. Но это посторонний человек мог так подумать. А Груня знала, что весь колхоз Городище здесь и ни одна колхозная семья не покинула свою землю.

Груня стояла, жмурясь от ветра, и раздумывала, в какую сторону ей пойти сначала. В ригу ли, что стоит на задворках возле самого поля? Или спуститься к реке, в кузню? Или забежать в соломенный шалаш, который притулился под густыми елками?

«Побегу за Стенькой, — решила Груня, — а потом с ней вместе — за другими».

Но зашевелилась в шалаше соломенная дверь, приоткрылась немного, и сама Стенька вылезла на улицу. Концы большого серого платка торчали у нее на спине, а из коротких рукавов высовывались покрасневшие руки.

— Стенька, ты куда?

— К тебе!

— А я к тебе!

Стенька мелкими быстрыми шагами подбежала к Груне. Ее смешливые серо-голубые глаза блестели и радовались неизвестно чему.

— Руки-то хоть в карманы спрячь, — поживишься, сказала Груня, — на тебя глядеть-то холодно!

— Тебе холодно, а мне нет, — ответила Стенька и пошевелила растопыренными пальцами. — Зима, что ли!

— Знаешь, что я тебе скажу... — начала было Груня.

Но Стенька перебила:

— Нет, что я скажу! Наш Трофим все выскакивает на улицу босиком — возьмет и пробежит прямо по снегу. Мать нашлепает, а он опять! А дедушка Мирон Телегин взял да ему свои сапоги отдал! Новые! Нигде не худые! Говорит — пусть бегаёт,

ему хочется побегать. А я, говорит, уж старый. Трофим-то маленький, а сапоги — во какие! Чудно до чего! А Трофиму — хоть бы что!

— Да подожди ты!.. Как сорока!.. — крикнула на нее Груня. — Трофим, Трофим!

— А ты не кричи! Не больно боюсь!

Груня вспомнила наказ матери и сказала тихо:

— Я не кричу. Это я так. Нам с тобой дело есть...

Груня подумала, что Стенька как узнает, какое это дело, так сейчас удерет, да и забьется опять в свой шалаш. Поэтому она объяснила как можно мягче:

— Ведь до шоссе недалеко... Да можно и не помногу. Ну, хоть сколько-нибудь принесем — и то польза!

Но Стенька и не собиралась отказываться. Наоборот, она обрадовалась, будто ее позвали на праздник:

— На шоссе всей гурьбой — вот весело! Пойду скорей у мамки мешок попрошу!

Если бы Груня знала, как надоело Стеньке сидеть в соломенном шалаше, в духоте, в тесноте, среди вздохов и невеселых разговоров! Там одна бабка Вера доймает — как начнет вспоминать немцев, как начнет их ругать да проклинать, а у самой так лицо и дрожит и губы дрожат... А что они — слышат, что ли? Их уж вон как погнали — из Ржева выбили и дальше гонят.

— Пойдем сначала Ромашку позовем, — живо сказала Стенька, — и Федя там.

— А Раису?

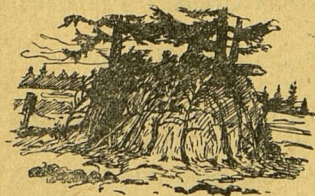
— И Раису позовем. А что — барыня, что ли?

С Ромашкой они сразу поссорились.

Когда девочки прибежали к риге, Ромашка прибавал над дверцей риги отставшую доску.

Стенька подскочила к нему:

— Ромашка! Бросай сейчас же! За картошкой идем!

Ромашка приподнял свою лобастую голову и, не выпуская молотка, отпихнул на затылок пилотку. Он глядел спокойно, слегка снисходительно, и крупный рот его не спешил улыбаться.

— Идете, так и идите, а я дело бросать не буду. Я не прибью, так никто не прибьет. Мужиков здесь нету. За какой-то еще картошкой!

— Это картошку нам на посев привезли, — пояснила Груня, подталкивая Стеньку.

Но Стенька не унималась:

— Ишь ты какой! Мы будем тащить, а ты есть будешь! Бросай, идем сейчас же!

Ромашка рассердился:

— А ты не командовай! Девчонка, а тоже командует! Вот как щелкну сейчас!

— «Щелкну!»! Не грози на грязи, прежде вылез!

Груня опять подтолкнула Стеньку:

— Да подожди ты! Помолчи!

— Мы ничего не командуем, Ромашка, — сказала она, — мы просто тебя зовем помочь. И всех ребят позвать надо — Федю, Леньку, Козлика, Женьку Солонцова... Ромашка, позови ты их сам, а? А то они нас не послушаются... Да скорей, а то уж вон народ собирается!

Ромашка забил последний гвоздь.

— Идите собирайтесь сами-то. Без вас все сделаю, — проворчал он. — Так бы все и сказали сразу. А то ишь, командирши какие явились!

— Ладно, делай, — сказала Груня, — а мы Раису позовем.

Рыженькая, с крутыми косичками девочка Раиса не захотела вылезти из своего уголка возле глиняной печки за горном. В кузне было тесно, люди одевались, искали мешки, лукошки, ведра, дерюжки... Толкали друг друга, толкали девочек, кричали,

чтобы кто оделся — выходил и не мешался здесь... Дверь то и дело хлопала, впуская холодный сырой воздух в духоту кухни.

— Не пойду я! — слегка отдувая губы, сказала Раиса. — Куда это — на дождик-то!

— Только ты одна не идешь, — попробовала убедить ее Груня, — все идут. Потому что картошка всем нужна.

— А мне не нужна. Подумаешь! Что председателява дочка, то и будешь всех на дождик выгонять!

— А есть что будешь? — закричала Стенька. — Тебе есть тоже не нужно? Ты что, какой особый человек?

— Вот и особый. Не твое дело. Не пойду я мокнуть там...

— Да я на ее долю сама притащу, — примиряюще сказала Раисина мать, — пускай уж посидит дома.

— Вы, тетка Анна, только на свою долю притащите, — с обидой возразила Груня, — а две доли один человек притащить не может...

И, потянув за собой Стеньку, вышла на улицу.

3. ВСЕМ КОЛХОЗОМ

Шли под морозящим дождем, по грязи, по сизому, набухшему водой снегу. Одеты были плохо — городищенские колхозники ничего не успели вытащить, когда немцы жгли деревню. Кто в чем выскочил, тот в том и остался — в старых, пожухлых полушубках, в заплатанных одежонках, в которых только и ходили убирать скотину...

До самой смерти не забудут городищенцы тот день, когда стояли они среди улицы и глядели, как горит их добро, как занимают огнем скотные дворы, житницы, амбары, как погибает их богатый колхоз. Немцы не подпускали их к избам и, деловито раздувая пожар, носили из дома в дом на вилах горящую солому, а колхозники глядели и молчали, неподвижные, оцепенелые. И не плакали в тот день. Не могли. А нет тяжелее горя, когда человек даже плакать не может.

Ничего у них не осталось: ни избы, ни скота, ни хлеба. И картошка вся попеклась в подполье во время пожара. Как пережили зиму — и сами не знали. Чем сеять поле, чем засаживать огороды — и придумать не могли.

И вот прислал район целую машину картошки! Да какой же дождь, какая грязь может нынче остановить их?!

Дома остались только больная Грунина бабушка и дед Мирон Телегин. Да еще в теплом уголке за горном сидела с тряпичной куклой балованная Раиса. А остальные ребятишки-школьники все до одного пошли за картошкой. Даже маленький Трофим потащился, надев сапоги деда Мирона. Его не хотели брать, уговаривали сидеть дома, даже бранили. Но Трофим никому ничего не отвечал, никого не слушал. Шел и шел себе вместе со всеми. Только поглядывал то на одного, то на другого своими круглыми голубыми глазами. Сапоги у него на ногах хлопали, и ноги разъезжались.

Ребятишки потешались, глядя на него. Особенно долговязый Женька Солонцов:

— Ребята, смотрите, у Трофима одна нога неправая! Так и норовит в сторону.

— Обе правые! — сказал Трофим.

Все засмеялись.

— Ах, обе правые! Значит, у тебя левой ноги нету?

Трофим хотел ответить, но своевольные сапоги его полезли один в одну сторону, другой — в другую, и он чуть не упал. Груня поддержала его.

— Как же ты картошку потащишь, когда сам еле идешь? Эх ты!

А Ромашке очень хотелось командовать. Он кричал:

— Ать-два! Стройся!

И шагал впереди, воображая, что ведет полк солдат.

Но дорога была узкая, в колеях стояла вода, и ребята шли вразброд, шлепая и скользя по грязи.

— Сам стройся, — отвечала ему Стенька, — а нас ноги не слушаются!

Ребята шли бодро, весело и не заметили, как добрались до

шоссе. Мокрый асфальт блестел издали, как темносерая неподвижная река. Машина, словно в воде, отражалась в нем.

— Готовь мешки! — скомандовал Ромашка. — Готовь тару — ведра, кошолки, фартуки! Стройся!

Обратно шли молча. Было тяжело нести. И больше глядели под ноги, чтобы не поскользнуться да не рассыпать картошку в грязь. Шли друг за другом по натопанной дорожке. Сзади всех шагал Трофим. Сапоги его совсем замучили. Но он тоже тащил узелок с картошкой.

Домой пришли уже поздно, в сумерках. Груня устала. У нее болели плечи от мешка с ляжками. Как тепло, как уютно показалось ей в их убогом жилище, и какая сладкая свекла была в этот день за ужином, и каким мягким был матрац, набитый соломой!

А Грунин отец долго не спал.

— Ну что ж, значит картошку посадим, — бормотал он про себя. — А как посадим? Пахать-то чем? И на чем пахать? Да, задача!

И вспомнились председателю прежние весны. Деревня, как улей, гудела. Сразу восемнадцать лошадей выходило тогда на поле. Тут навоз возят, там пашут, тут боронят, там яровые готовят, на гумне, под навесом, сортировка шумит с утра до ночи! Эх!

Курил, вздыхал. А потом снова:

— Уж как-нибудь да посадим. Придется поле лопатами вскапывать. Что ж теперь делать! Уж если весну упустим, то колхозу нашему крышка. Тогда разбредайся кто куда...

4. ПОЛЕ СОХНЕТ

Отцовы слова испугали Груню.

...Разбредаться кто куда?

Как это — кто куда? Значит, пойдут все в разные стороны, в чужие деревни. Стенька, скажем, на Нудоль, Ромашка — в Петровское, Женька — в Грешнево... Сама Груня, может, куда-нибудь в Татищево...

Все разойдутся в разные стороны и больше не увидят друг друга. А Городище запустеет, зарастет бурьяном, иван-чаем. Иван-чай любит расти на пожарищах.

И дорога зарастет... И они со Стенькой не будут весной шлепать по воде, так, чтобы брызги летели выше головы, и доставать из калужины желтые цветы. И летом не пойдут на вырубку за ягодами. И не будут играть в шалашике за огородом. Как они там играли бывало! Там и сейчас все хозяйство цело — чураки вместо стульев, и стол из чурака, и посуда из глины в соломе спрятана...

Только деревья останутся — одни среди улицы. Да палисадники опять зацветут, пока их не заглушит крапива. Да еще пруд останется. Так же, как теперь, будет он светиться под солнышком, так же на закате стрижи, низко летая, будут чертить крыльями воду... А потом и он зарастет... И Городища больше не будет.

Груня вдруг заплакала. Она плакала потихоньку. Но мать все-таки услышала и проснулась.

— Ты что?

— Не хочу разбредаться... Жалко мне!

— Чего жалко?

— Городища жалко!.. Мам, не надо разбредаться! Скажи, чтоб не уходили в чужую деревню!

Мать сказала ей серьезно, как взрослой:

— Никуда не пойдем. Все силы положим, а свой колхоз поднимем. Всем миром. Спи.

Мать никогда не говорила зря. И Груня сразу успокоилась, улеглась поудобнее и уснула.

Утром ударило солнце. И зашумела на улице весна. Хлынул поток из переполненного пруда и побежал по усадьбам, заполняя калужины. Зарокотали ручьи, защебетали птицы. Только петухи не пели, потому что ни одного петуха не было в Городище.

Груня встала рано и сейчас же вышла на улицу. Какая-то птичка щебетала на крыше.

«Ласточка, что ли? Или скворец?»

И Груня удивилась, увидев, что это поет самый обыкновенный воробей. Он сидел на гребне крыши и самозабвенно щебетал, и пел, и чирикал, и, словно скворец, встряхивал крыльями от счастья.

— Ах ты, милый! — сказала Груня. — Вот как обрадовался солнышку!

И ей самой захотелось не то запеть, не то запрыгать от радости, что наконец наступило тепло.

Через несколько дней солнце согнало весь снег.

И сейчас же задымились под солнцем бугры и выскочила зеленая травка, а на пожарищах густо взошла молодая крапива.

Грунин отец почернел от заботы. Ходил по соседним колхозам — не дадут ли лошадей. Но и в одном и в другом колхозе сказали:

— У самих сев. Отсеемся — дадим.

И обижаться было нельзя — после немцев мало осталось лошадей в колхозах, сами не знали, как управиться.

Может, в десятый раз побежал городищенский председатель на машинно-тракторную станцию. Его высокая, жилистая, чуть согнутая фигура намозолила глаза трактористам. Станция была разорена. Со скрипом и скрежетом собирали там тракторы, отыскивали и добывали части. Торопились к весне. Но разорить легко, а построить трудно. Касаткину обещали: как только сможет хоть один трактор выйти в поле, так прежде всего прислать в Городище. Может, через недельку, может — через две...

В сумерки, вернувшись домой, председатель созвал собрание.

Колхозники собрались по первому зову, два раза посылать ни за кем не пришлось.

Стенька и Груня сидели на бревнышке у двери, подобрав босые ноги, — им уже были известны невеселые новости, которые принес председатель.

Первой на собрание пришла тетка Настасья Звонкова, Ромашкина мать, в потертой одежонке из «чортовой кожи», с большими серыми заплатами на локтях и в платке из конской зеленой попоны.

Но и в заплатанной одежке и грубом платке Ромашкина мать была статная и красивая. Только горе проложило глубокую морщину на ее крутом лбу и тронуло сединой ее черные волосы, расчесанные на прямой пробор.

Потом пришла тетка Дарья Соколова, худенькая, рыжеватая, с набухшими веками. Она шла, сунув руки в рукава ватника, и не поднимала глаз, словно думала какую-то непосильную думу.

Держась за ее юбку, рядом шагал самый младший из ее ребятшек, трехлетний Сенька, но Дарья словно забыла про него. Она недавно получила извещение, что муж ее, Сенькин отец, погиб в бою за Ржев...

Пришел легким шагом маленький старичок Митрич, пришла тетка Антонина Солонцова, Женькина мать. Горе она несла вме-

сте со всеми: и мерзла в лесных ямах, скрываясь от немцев, и голодала, и задыхалась зимой в риге от тесноты и дыма. Но не сдалась. Улыбка так и мелькала на ее лице — в глазах, в морщинах у рта, в ямочках на щеках...

Тяжело ступая в своих новых сапогах, пришел дед Мирон. Быстрым шагом догнала его худая, смуглая, синеглазая Стенькина мать, тетка Елена...

Гурьбой, толкаясь и смеясь, собрались молодые девушки и стали в сторонке.

Не отстала и бабушка Вера. Она была всех нарядней — в черном плюшевом салопе и в большой шали с бахромой. Бабушка Вера была догадлива — успела все свое добро на себя надеть. И с тех пор так и не снимает, хоть и тепло подступило, хоть и жарко ей становится под косматой шалью...

Подождали, когда соберутся остальные колхозники. А когда все собрались, разместились на бревнышках, на чурочках, тихонько вышла и стала сзади Грунина мать, маленькая тихая женщина в низко повязанном голубом платке.

Председатель, опершись обеими руками на свою палку, посмотрел на одного, на другого.

— Ну, что делать-то, бабы? Каждый день сейчас — золото, а мы это золото попусту теряем. Сей овес в грязь — будешь князь. А у нас поле подсыхает. Семян дали нам сортовых, шатуловских. Не загубить бы урожай...

— Копать надо, — твердо сказала тетка Настасья, — не терять время.

— Копать? Лопатами? — слегка всплеснула руками тетка Анна Цветкова, Раисина мать. — Поле — копать?

Но тут сразу подхватило несколько голосов:

— А что ж — глядеть, как поле сохнет? Весну упускать? Ждать теперь некогда! Некогда ждать!

— Да ведь сроду лопатами поле не копали...

— Не копали — значит, нужды не было. А теперь нужда подошла.

И порешили: пока дадут лошадей да пока придет трактор, копать поле под овес заступами.

5. ТРУДНО БЫТЬ БРИГАДИРОМ

Невиданная, трудная это была работа. Заступов понабрали по соседним деревням и начали вскапывать поле. А поле — это не грядки на огороде, поле меряют гектарами. Копали все — и старые и молодые, и больные и здоровые. Крестьянское сердце не терпело — на дворе весна, а поле лежит не пахано!

Копали с утра до обеда. После обеда приходили снова и копали дотемна. А в обеденный перерыв выходили на поле городищенские ребятишки.

Бригадиром выбрали Груню. Это произошло для нее неожиданно и как-то само собой.

Мать послала ее созвать ребятишек:

— Сбери их, да приходите к нам в поле. Будете сорняки из земли выбирать.

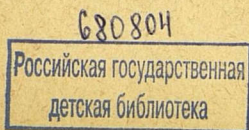
Поле, подернутое сизой прошлогодней стерней, широко разлеглось по отлогому склону. Верхним краем оно взбегало к самой опушке сквозистой березовой рощи. А нижний край его извилисто и мягко припадал к берегам маленькой речушки Вельги, которая журчала и поблескивала среди невысоких зарослей ивняка.

Ребятишки по тропочке вышли на опушку рощицы. Колхозники копали землю, растянувшись по полю пестрой вереницей. Они начали копать от рощицы, отступая вниз, и этот край поля уже чернел тяжелыми влажными комьями только что поднятой земли.

Работали молча. Только слышно было, как неумолчно щебечут птицы во всех кустах, как журчит внизу веселая Вельга и как шурхают заступы, взрезая землю. Время от времени то один, то другой нагибались к пласту, вытаскивали длинное волокнище пырея или хрусткий, как сахар, корень молочайника и отбрасывали в кучку.

Увидев ребятишек, женщины приостановились и, опершись на заступы, разогнули спины.

— Молодая бригада пришла! — сказала с улыбкой чернобровая тетка Антонина. — Помогать, что ли?

— Помогать, — сказала Груня и подошла поближе. — Мама велела!

— Неужто копать?

— Ой, помощнички! Завяжете в земле — вытаскивай вас, — засмеялись женщины.

Но Грунина мать не смеялась. Пользуясь остановкой, она сняла развязавшийся платок, поправила волосы и сказала:

— Выбирайте с поля всякие репьяки да относите куда-нибудь в кучку, подальше... а потом их сжечь нужно...

Ребятишки разбрелись по полю. Женщины замолчали, зашурхали заступами. Только одна тетка Антонина все спрашивала:

— Эй, бригада! А кто же у вас бригадир-то? Не Трофим ли? Или Нюрка Дарьина?

— Наверно, Грунька, — сказала тетка Анна, Раисина мать: — она все их на работу наряжает.

Выбирать сорняки — работа не трудная. Только ноги вязнут в еще сырой земле, и на них нарастают такие комья, что не повернешься. Да пальцы стынут от еще не прогретой земли.

Ребята перекликались и гомонили, как грачи:

— Гляди, гляди! Во — корешок! Как редька!

— А вот пыреяка тащится! Вот распустил корни-то, как сеть, — рыбу ловить можно!

Когда солнце поднялось и стало в зените, Ромашкина мать, тетка Настасья Звонкова, воткнула заступ в землю. И, вздохнув, словно свалила с плеч большую тяжесть, сказала:

— Обедать, бабы!

Тетка Настасья была бригадир.

Заступы перестали шурхать. Копщики разогнулись.

— Ох, и работка!

— Да, работка лошадиная...

— Что ж поделаешь! Лошадиная не лошадиная, а делать надо...

А бабушка Вера опять помянула немцев. Подбирая из-под куста свой плюшевый салоп и мохнатую шаль, она пригрозила куда-то своим костлявым кулаком:

— Все равно сдохнете, проклятые! Как вы нас ни разорили, как ни произдевались, а мы выжили! Выжили!

Ребята собрались было тоже уходить. Но Ромашка взял заступ.

— А ну-ка, дай я попробую!

Он нажал заступ ногой и вывернул пласт земли.

— Ребята, давайте тоже копать, а? — оживился Женька Солонцов и подскочил к заступу, оставленному его матерью.

Колхозники медленно пошли в гору на тропочку, а тетка Настасья задержалась посмотреть, нет ли огрехов.

— А что ж бы вам и не покопать? — сказала тетка Настасья. — Сколько ни накопаете — все хлеб. Только без бригадира нельзя. Выбирайте бригадира. А то напортите тут, а спрашивать будет не с кого. Ну, кто у вас тут позаботливей?

Тетка Настасья, вытирая руки влажной молодой травой, оглядывала ребят своими суровыми серыми глазами.

— Пускай Груня, — крикнула Стенька, — она заботливая!

— А может, из ребят кого? Будете ли вы ее слушаться-то?

— А чего же мы не будем слушаться! — весело сказал Женька. — Вот еще!

Раиса молчала, легонько размахивая длинным путаным корневищем пырея. Маленькие пухлые губы ее самолюбиво сжались и подобрались. Сразу — Груню! А почему это именно Груню? Тут ведь и другие есть...

— Груня уже немножко привыкла, — сказала Стенька, деловито размахивая руками, — она уж нас сколько раз на работу собирала.

— Да, пусть Грунька будет, — решительно сказал Ромашка, продолжая копать. — Что там рассуждать еще!

— Тогда проголосуйте!

Ромашка воткнул заступ в землю.

— Ох, мама, ты и пристанешь же!

— Нет уж, проголосуйте! — повторила тетка Настасья. — Все голосуйте. А то потом скажете: «А я ее не выбирал!» Кто за то, чтобы Груне быть бригадиром?

Поднял руку Ромашка, опираясь другой на заступ. Поднял

руку Женька, вытянув ее, будто хотел достать облако. Стенька вместе с поднятой рукой и сама вся приподнялась и шевелила пальцами от радости и нетерпения. Медленно, оглядываясь на других, поднял руку степенный Федя. И Ленька Козлик и Трофим... Все стояли с поднятыми руками, испачканными свежей землей, среди сизого пустого поля, у которого только лишь один край чернел узкой влажной полосой. Ни на кого не глядя, все так же поджав пухлые губы, подняла руку и Раиса. Подняла и тут же опустила, словно устала держать.

— Ну так. Теперь работайте, — сказала тетка Настасья, потуже завязывая платок. — Только уж если работать, то как следует, а не дурить. Смотри, бригадир, заботься! С тебя спрашивать буду!

И Груня ответила, глядя прямо в глаза тетки Настасьи:

— Ладно. Буду заботиться.

Так вот и стала с того дня Груня бригадиром. Она очень беспокоилась. А ну, как ребята покопают-покопают, да и бросят — попробуй уговори их тогда! Уж очень работа тяжелая. На ладонях у всех в первый же день надулись мозоли. И в первый же день Груня и рассердилась и поссорилась с ребятами.

Ромашка почему-то вздумал копать один и ушел на другой конец поля.

— Ты зачем ушел-то? — сказала Груня. — Мы бы копали все вместе — так бы и гнали свой участок!

Но Ромашка смахнул пот со лба и, не поднимая головы, ответил:

— А я хочу здесь копать! Иди от меня и не командвай!

— А для чего же я тогда у вас бригадир?

— Не знаю, для чего, — упрямо ответил Ромашка, — а вот я не люблю, когда надо мной командуют!

Груня не знала, что ответить. Она вернулась на свое место и взяла заступ. Тут шли веселые разговоры.

— Наш Трофим уже купался! — живо рассказывала Стенька. — Вода еще снеговая, а уж он — готово! Сначала по калужине босиком побегал, а потом и весь влез да выкупался. Пришел — сразу к печке. И молчит. Будто мы не видели!

— Ребята! — прервал ее Женька Солонцов. — Ребята, что я придумал!

— Какую-нибудь чушку, — пробурчал Федя.

— Уже сказал бы — чушь. А то — чушку! А вот что придумал: давайте так играть, будто мы клад откапываем!

— Давайте!

Но Раиса сказала, насмешливо выпятив нижнюю губу:

— И ничуть не похоже. Клад искать — надо ямку на одном месте рыть. А мы — вон какую долину поднимаем! Ой, а руки больно до чего!

Она выпрямилась, потерла спину и скривила лицо.

— Ой!.. Не буду я! Все равно ничего не выйдет. Где это видано — поле лопатой копать?

И села на кочку.

— Не успела начать, а уж устала! — сказала Груня. — Вот когда все будут отдыхать, тогда и ты сядешь. Вставай!

Раиса встала, но заступ не взяла, а выбралась на тропочку и пошла домой. Груня чуть не заплакала.

— Ну, куда же ты? Ну, покопай хоть немножко-то!

— Думаешь, что председателява дочка, то тебя все и слушаться должны? — ответила Раиса.

И ушла. А за ней неожиданно ушли две девочки поменьше — Анюта и Поля Полянка.

Груня вспыхнула от гнева и обиды. К тому же у нее на ладони прорвалась мозоль, и было очень больно. Но Груня молчала. Попробуй пожалуйся — тогда и все жаловаться начнут.

Тяжелая, сырая земля не рассыпалась под заступом. Она туго резалась блестящими влажными ломтями, и эти ломти, отрезанные заступом, надо было разбивать на мелкие комочки.

Заступ становился все тяжелее и тяжелее, и Груня чувствовала, как из ее рук постепенно уходит сила, руки делаются мягкими, слабыми и не хотят слушаться... Груня старалась не думать об этом — ребята ведь работают же! Стенька режет землю и бьет комки, будто у нее руки железные. Да еще и смеется. Да еще все время рассказывает разные истории — такой уж у нее неумолчный язык!

И долговязый Женька работает, не жалуется. И Федя. И Ленька Козлик. Козлик — слабый, он то и дело отдыхает. Но не уходит.

А вот и Трофим тащится.

— Ты куда идешь, Трофим? — сказала Груня. — На эту работу я тебя не наряжала. Ты что ж, бригадира не слушаешься?

Трофим остановился. Он не мог понять — сердится Груня или шутит. Но обратно все-таки не пошел. Так и стоял молча, пока ребяташки работали. Груня поглядела на него и засмеялась:

— Смотрите, белый гриб стоит!

Груня смеялась, а сама только и думала, раз за разом всаживая заступ в землю:

«Ой, хоть бы поскорее обед кончился! Хоть бы поскорей пришли! Ой, хоть бы поскорее! Ой, совсем мочи нет!»

Отдыхать она не хотела — ей надо было выдержать бригадирскую марку. А то съедет бригадир отдыхать — какой же пример ребятам?

И когда она почувствовала, что разбивает последний пласт и что заступ сейчас выпадет у нее из рук, из кустов на дорогу вышли колхозники. Груня остановилась, выпрямилась, воткнула заступ в землю:

— Кончайте, ребята! — и блаженно перевела дух: выдержала!

Нет, все-таки трудно быть бригадиром!

6. НЕОБЫКНОВЕННАЯ ВСТРЕЧА

Да, трудно быть бригадиром.

Груня сидела на обгорелом, обмытом дождями обломке бревна. Тут раньше стояла их изба — горница с голубыми занавесками, кухня, сени, чулан. А там, сзади, двор. Во дворе под крышей ласточки всегда вили гнезда. Ничего не осталось. Одни головешки да обломки кирпича.

Груня держала в руке только что найденный в золе осколок розового блюдца. Это было Грунино блюдце. У нее тогда и чашка была такая же — розовая. От чашки даже и осколков нет...

Груня задумчиво и долго смотрела на скворца, который распевал над головой, у скворечни. Странно было видеть скворечню, когда рядом нет избы. И палисадник тоже. На сиреневых кустах разворачиваются темные блестящие листья. Напористо лезут из-под земли крупные светлозеленые побеги мальвы. Скоро они поднимутся выше изгороди, стебли их подернутся серебристым пушком, развернутся круглые шершавые листья — и по всему стеблю, изю всех пазушек полезут светлые шелковые бутоны, раскроются, распустятся малиновые, розовые и алые цветы. И дела им нет, что светлые, веселые окна больше не смотрят на них. Им бы только весну да солнышко!

— Здравствуй, хозяйюшка! — сказал кто-то.

Груня быстро обернулась. Возле разрушенной печки стоял незнакомый человек в защитной фуражке и в кителе.

«Начальник какой-то...» подумала Груня. И тихо ответила:

— Здравствуйте.

— Ну, что же ты тут сидишь, девочка?

— Так.

— Наверное, по своей избе горюешь?

— Нет.

— Ах, нет? Вот как! Ну, тогда, значит, у тебя еще какая-то забота есть.

— Никакой у меня заботы нету.

— Неправда. Есть.

Начальник сел поодаль на сухой пенек и достал тяжелый блестящий портсигар.

Груня опустила глаза и уставилась в розовый кусочек разбитого блюдца. Может, вскочить да убежать? Но дядька, кажется, ничего, не сердитый. И почему это он про ее заботу спросил?

— Хочешь, я скажу, о чем ты думаешь? — опять заговорил начальник. — Сказать?

Груня улыбнулась:

— Скажите.

— Ты думаешь: «Вот какой счастливый скворец — его дом цел стался, а мой сгорел!» Так?

— Нет, не так.

— Не так? А ну-ка, покажи руки. Ладони покажи!

Груня повернула руки ладонями вверх и покраснела. Кабы знала, вымыла бы получше!

— Хорошие руки, — сказал начальник, — с мозолями. Вижу, работаешь хорошо.

Груню обрадовала эта похвала. Она осмелела.

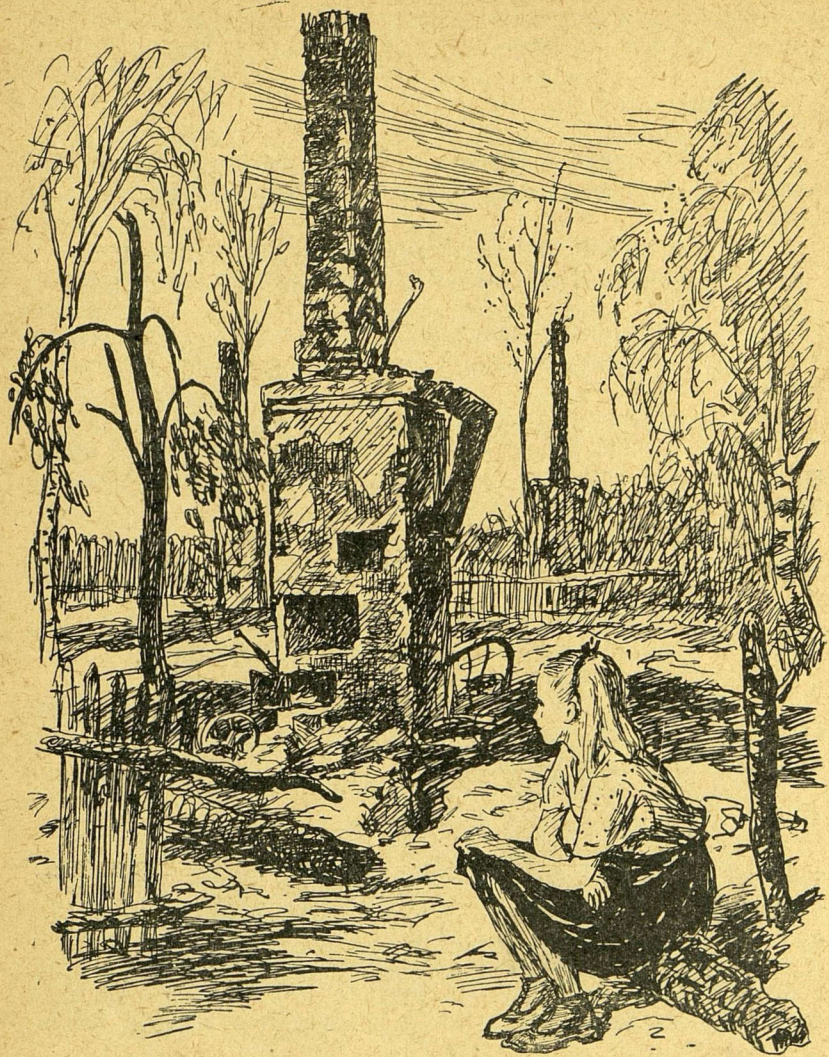
— Нет, не очень хорошо работаю, — сказала она. И снова лицо ее приняло задумчивое выражение. — Хочу, чтобы хорошо, а не выходит.

— Вот как! А что же не выходит-то?

— Да вот не знаю. Ребята меня бригадиром выбрали. А сами не слушаются. Мы вот сейчас поле под овес копали. Все копаем. А Раиса шваркнула заступ да с поля домой — у нее спина заболела! А разве у нас-то не болит? Мы уж вот пятый день копаем, а она и не идет даже! Я зову, а она: не пойду — и все! И вот Федя тоже. Чуть заглядишься, а уж он руки опустит и стоит, как овца на полднях, отдыхает. Ну, Козлик у нас слабый, пускай. А Федя здоровый, как кабан. А Ромашка только и знает: «Не командовай!»

— Так не говорят — «не командовай».

— Я знаю. Это он так говорит: «Девчонка, а командует!» А я не могу его переспорить. Нет, не умею я бригадиром быть!

— А ты думаешь, кто-нибудь сразу умеет? Никто сразу не умеет. Это нелегко. Но что же делать? Мне вот тоже нелегко бывает.

— Вам?

— Да, мне.

Начальник вдруг посмотрел на Груню своими усталыми глазами, снял фуражку и провел рукой по гладким светлым волосам.

— Да, разорили вас! Крепко вас разорили, до корня.

Груня молчала. Над головой, у скворечни, попрежнему веселился скворец.

— Ну, ничего, — продолжал начальник, — поднимемся. Только рук опускать не надо. Со временем все опять будет, как было.

— И Городище будет, как было?

— Еще лучше будет! Посады встанут новенькие, со смолкой, заблестят крышами, засверкают окнами... И петухи опять запоют. И стадо пойдет по деревне...

— И коровы опять будут?

— Будут. И овцы будут. И лошади.

— А скотный двор?

— И скотный двор поставим. Со стойлами. С окошками.

Груня поглядела на него с задумчивой улыбкой.

— Неужели все это может быть?

— Может. Только очень крепко работать надо. Не унывать. Не охладевать. Не бояться усталости. Вот, я вижу, у тебя в палисаднике мальвы всходят...

Груня оглянулась на светлые ростки.

— Это не мальвы. Это алые цветы!

— Вообще это мальва. А по-вашему, алые цветы. Ну, пусть так, это даже красивее. Так вот погляди ты на эти алые цветы. Целую зиму они лежали в земле, прибитые морозом. И не знали — живы они или мертвы. И солнца им не было. И воды не было. И снег давил их. Все перетерпели. Но вот отлегла беда, повеяло теплом — и сразу они почуяли, что живы, что им надо жить, что они могут жить. Вот и пробиваются наружу, напря-

гают все свои силы, пробиваются с великим трудом и, может быть, с большой мѹкой... Но они все-таки пробьются, приподымутся и зацветут... Обязательно зацветут! Поняла? Ну, прощай.

Он встал и надел фуражку.

Груня встала тоже.

— А школа? — нерешительно спросила она. — Школа тоже будет?

— Школа у вас будет к осени.

— О-о... — недоверчиво улыбнулась Груня. — А вы разве нашу школу знаете? Ведь в нее бомба попала!

— Я все знаю.

Он кивнул головой и пошел вдоль погорелого посада.

Груня осталась стоять у сиреневого куста.

Кто это был? Откуда явился и куда ушел? Чужой — а все знает!

Когда Груня вернулась домой, она увидела на сырой дороге узорные отпечатки шин.

— А тут легковушка приходила! — встретила ее Стенька. — Из района самый главный начальник приехал. Такой важный! Сапоги чистые, блестят, и пряжка на ремне серебряная! Везде ходил, глядел...

— Самый главный начальник?

Груня смутилась. А она-то как с ним разговаривала, будто с кем-нибудь из своих городищенских!

Груня хотела сказать, что она видела этого начальника и говорила с ним. Но поверит ли Стенька? Пожалуй, не поверит, да и посмеется еще!

И как рассказать, о чем говорил с ней начальник? Его слов Груня повторить не умела. Она могла только понимать их.

И она ничего не сказала Стеньке.

А про себя повторяла:

«Все будет, как раньше... И Городище... И школа. Только очень крепко работать надо, не унывать. И никакой усталости не бояться!»

7. ВИКТОР ПИСЬМО ПРИСЛАЛ

А весна, между тем, цветами и зеленью украшала палисадники, молодыми порослями закрывала черные пожарища, густую кудрявую травку расстилала по улицам, заливные покосы готовила на лугах.

Однажды утром свежий ветерок принес в деревню какой-то неясный гул.

Когда Груня выскочила на улицу, Женька уже стоял на дороге, расставив ноги циркулем и закинув голову.

— Самолет где-то! Большой... А где — не вижу.

— Сам ты самолет! — засмеялась Груня. — Опустит глаза-то и увидишь!

На пруду, в солнечной воде, плескалась Стенька. Она мыла ноги. Старательно терла их пучком водяной травы, от чего еще горячее становился загар на ее крепких икрах. Потом она принялась умываться, доставая воду полными пригоршнями и с размаху бросая ее в лицо. Сверкающие брызги, словно градинки, рассыпались кругом, падали на плечи, на волосы. И Стенька не замечала, что подол ее платья окунается в воду.

Заслышав гул, она выскочила на зеленый горбатый бережок пруда и закричала:

— Идет! Идет!

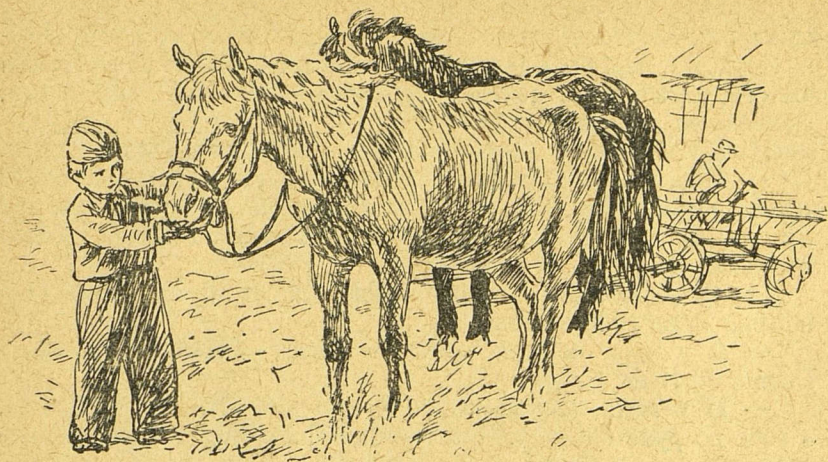
Она подбежала к Груне. Намокшее платье хлопало по ногам. В растрепавшихся кудрявых волосах еще дрожали брызги, сквозь мокрые прищуренные ресницы, слипшиеся стрелками, чисто и синё блестели глаза. Вытирая рукавом смуглое с густым румянцем лицо, Стенька повторяла:

— Гляди! Идет! Идет же!

— Да я-то вижу, — отвечала Груня, — ты вон Женьке укажи — он все в небо смотрит!

Но Женька уже и сам увидел, что по дороге в Городище идет трактор. Белыми огоньками сверкали шипы на тяжелых литых колесах, а сзади развевался синеватый дымок.

Сколько раз приходили раньше тракторы на городищенское поле! Но никогда не радовались им ребята так, как обрадова-

лись сегодня. Тогда было мирное, благополучное время, и тогда не знали, что это значит — выйти в поле с заступом.

Взрослые обрадовались не меньше. Под овес поле вскопали. А уж под картошку копать — пожалуй, и силы нехватило бы.

А дня через два радость снова заглянула в Городище. Из Петровского колхоза им на помощь прислали двух лошадей.

Сонная улица снова ожила — загремели колеса по дороге, застучали копыта. А когда подводы остановились возле председателя жилья, рыжая кобылка с белесой гривой вдруг приподняла голову и тонко заржала, словно здороваясь.

Тут уж больше всех суетился Ромашка. Он заходил к лошадям то с одного бока, то с другого. Побежал к пруду и сейчас же нарвал им травы. И пока петровский колхозник разговаривал с Груниным отцом, он кормил из рук лошадей, оглаживал их, заправлял им чолки под оброть, а сам приговаривал:

— Но-но! Шали! Я вас!..

А лошади и не думали шалить. Они осторожно брали мягкими губами траву из Ромашкиных рук, кротко глядели на него

своими фиолетово-карими глазами и покачивали головой, отгоняя мух. Ах, был бы у Ромашки мешок овса, сейчас он притащил бы его, насыпал бы полные торбочки — пусть бы лошади ели, сколько им захочется!

Но у Ромашки не было овса. Не только мешка, но и горсти.

— Подождите. Вот овес уродится — тогда... А сейчас где ж я вам возьму? Не знаете? Ну, и я не знаю. А кабы знал, так взял бы! А уж овес у нас уродится — во какой! Поле-то руками вспахано! Вот они, моззли-то!

Груня и Стенька сидели недалеко, на бревнышке. Они поглядели на свои ладони.

— А у меня мозоли твердые стали, — сказала Груня. — Потрогай! И не болят.

— И у меня, как камешки, — ответила Стенька. — Дай-ка, я тебе по руке проведу. Чувствуешь? Я их буду в горячей воде парить — они отойдут.

— Эти отойдут, а новые будут, — вздохнула Груня. — Завтра пойдем огорода копать.

— Опять копать!

— Опять копать! — отозвался, как эхо, Женька, который стоял тут же. — Где копать? Чего копать?

— Огороды вскапывать, — сказала Груня. — Но там ничего! Там земля очень мягкая, как мак рассыпается! Чего вы испугались-то?

— А кто испугался-то? — пожал плечами Женька. — На поле не боялись! Я грядки так умею делать — огородник не берись!

Лошадей увели. Ромашка, проводив их нежным взглядом, подошел к ребятам. Он снисходительно улыбнулся на Женькины слова.

— Ох, и Хвастун Хвастунович! А что ж в школе-то, бывало, не делал?

— Ну, вспомнил! Я тогда еще какой был-то? Мелюзга.

— Ладно, — сказал Ромашка, — давай копать отдельно. Ты свои гряды делай, а я буду свои. Посмотрим, чьи лучше будут.

— Ну и что это будет? — сказала Груня. — Ромашка там

будет копать, Женька — там, а мы — еще где-то. Да мы и гряды-то как следует делать не умеем!

— А чего ж «еще где-то»? — возразил Женька. — Я с вами буду. И все покажу. Подумаешь, важность!

Тихонько, незаметно подошла Раиса и встала, прислонившись к березе.

— А у нас скоро Виктор приезжает, — сказала она, ни к кому не обращаясь, — письмо прислал...

Все сразу повернулись к Раисе.

— Правда? Совсем или в отпуск?

— В отпуск.

— С медалями, небось?

— А то как же!

— Наган захватил бы! Эх, не догадается, пожалуй!

— Захватил бы, да ведь не дадут. Не полагается.

— А может быть, возьмет да захватит! Он ведь командир, небось?

— А то как же!

— Эх, стрельнуть бы!

Все забыли про огороды.

— А какие медали-то? — допрашивал Женька. — «За отвагу» есть?

— Конечно, есть, — горделиво отвечала Раиса.

— А еще какие?

— Вот приедет — разгляжу, тогда скажу какие.

— О! Приедет-то — мы и сами разглядим!

— А может, он вам не покажет? Может, он с вами и разговаривать-то не будет?

Ребята примолкли, переглянулись. Неизвестно, может и правда разговаривать не будет — командир все-таки, с медалями... И вдруг у Груни блеснули глаза. Чистое, слегка загорелое лицо ее потемнело от румянца.

— Раиса, — сказала она, — не забудь: завтра пойдем гряды делать.

— Гряды? — рассеянно ответила Раиса, глядя в сторону. — Может, приду.

— Нет, «не может, приду», а приходи, — твердо сказала Груня. — Довольно бездельничать! Для своего же колхоза постараться не хочешь. Мы работаем, а ты гуляешь!

— Да чего ты опять пристала? — начала Раиса. — Что председателева дочка...

— Не председателева дочка, а бригадир! — прервала ее Груня. — А не придешь, все Виктору расскажу. Он там воюет, мучается. А ты здесь что? Посмотрим, что он тогда тебе скажет. Посмотрим, с кем он тогда разговаривать будет — с нами или с тобой!

Раиса поджала губы и молча разглядывала кончик своего пояска.

— Ну, и посмотрим... — негромко, но упрямо повторяла она. — Ну, и посмотрим...

Однако было заметно, что эти слова крепко смутили ее. Утром она вместе со всеми пришла на огород копать гряды.

8. КТО БЫЛ В ОГОРОДЕ?

Ромашка чувствовал себя счастливым. И оттого, что жарко пригревает солнышко, и оттого, что сегодня утром старик Мирон, приставленный к лошадям, дал ему проехать верхом на рыжей кобылке, и оттого, что его гряды в огороде вышли все-таки самые лучшие... Это сказала сама тетка Елена, бригадир по огородам, и Женьке, делать нечего, пришлось замолчать.

Ромашка шел легким шагом и то насвистывал, то напевал. Пока эти горе-огородники соберутся засаживать свои гряды, у него уже огурцы взойдут.

Отворив калитку, Ромашка вдруг остановился — и остолбенел. Его гряды, его ровные, прямые гряды, были истоптаны, будто палкой истыканы, и почти разбиты.

Ромашка в бешенстве оглянулся кругом. Огород был пуст. Вокруг отцветающей дикой груши гудели пчелы. Молодые смородиновые кусты, облитые росой и солнцем, светились и сверкали, будто на празднике.

Ромашка поставил на землю свою баночку и бросился на другой конец огорода, где в полном спокойствии лежали грядки, вскопанные ребятами.

— Вы мои так — и я ваши так! — пробормотал Ромашка, чуть не плача от гнева. — Я сейчас вот тоже все истопчу! Все до одной!

Но потом остановился. «Они так — и я так? Нет. А вот я не буду так. Я вот пойду да председателя приведу. Пусть он посмотрит, что его дочка делает».

Ромашка побежал. Недалеко от риги ему встретились Груня и Стенька. За ними по тропочке семенил Козлик. И сзади всех, отмеряя длинными ногами неторопливые шаги, шел Женька.

— Ты уж посадил? — весело удивилась Груня. — Уж успел?

Ромашка сверкнул на нее светлыми ледяными глазами и ничего не ответил. Он шел прямо на них, не сворачивая.

— Вот идет, как бык какой, — закричала Стенька, — да еще толкается!

Козлик еще издали посторонился. А Женька хотел было задержать Ромашку и широко расставил руки.

— Стой! Пропуск давай! Пароль говори!

Но Ромашка молча отпихнул Женьку и пошел не оглядываясь. Все в недоумении посмотрели друг на друга.

— Что это он?

— Что это на него наехало?

Тут их догнала Раиса. У нее было обиженное лицо.

— Что это Ромашка взбесился? Я его не трогаю, а он толкается!

Подойдя к огороду, они сразу поняли, почему Ромашка взбесился. Все они, так же как и Ромашка, неподвижно остановились перед испорченными грядками.

— Ой, кто же это натворил? — жалобно сказала Стенька и обеими руками взялась за щеки. — Ой, батюшки!

Женька стоял, засунув руки в карманы и приподняв плечи. Черные брови его сдвинулись к самому переносью.

— А вот пусть не хвалится! — возразила Раиса. — А то — «мой лучше всех, лучше всех!» Вот тебе и лучше всех!..

Груня огорченно глядела на гряды:

— Еще на нас подумает, вот что хуже всего!

— А если взять да поправить? — несмело предложил Козлик.

Женька выдернул руки из карманов, оглянулся — нет ли заступа.

Груня поняла его движение:

— Вы пока сажайте огурцы, а я сейчас за лопатами сбегая. Живо поправим.

Она не успела уйти, как пришел Ромашка, а за ним Грунин отец.

— Вот, дядя Василий! Смотри, — сказал Ромашка, не взглянув на ребят, — вот что сделали!

Председатель помолчал, потеревил ус и медленно перевел глаза на Груню:

— Это что же у тебя делается, бригадир?

— У меня! — вспыхнула Груня. — Как это — у меня? Мы все грядки делали... мы не портили...

— Они не портили! — горько сказал Ромашка. — Это не они, это петровские колхозники на конях проехали!

— Что ты, Ромашка! — крикнула Груня со слезами. — Ты и правда думаешь, что это мы?

— Нет, не вы, — повторил Ромашка. — Я и говорю — не вы, я говорю — это петровские. Это им не понравилось, что мои гряды тетка Елена похвалила!

— Ну уж, если ты не веришь... — у Груни осекся голос, она dokonчила почти шопотом: — ...тогда как хочешь! — и гордо отошла в сторону.

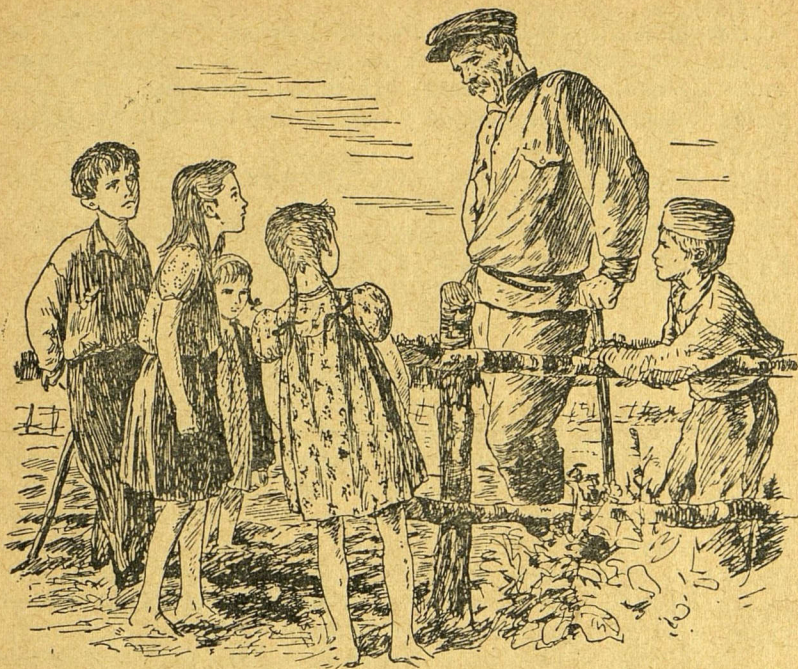
— Груня не портила! — быстро и горячо сказала Стенька. — И я не портила! Мы все время вместе были. Может, вот Женька...

— Что! — крикнул Женька. — Ты что мелешь?

Все закричали, заспорили. И каждый доказывал, что не трогал Ромашкиных гряд.

Председатель слушал, покачивая головой.

— Эко дурачье! — сказал он. — Один делает, другой пор-

тит. С такой работой, братцы, далеко не уйдем. А итти-то ведь нам еще, ой, как далеко!

А потом велел поскорей принести заступы и помочь Ромашке. И пригрозил: если это повторится, то он виновнику так всыплет, что тот и своих не узнает.

Ромашка никого не подпустил к своим грядам. Сделал сам. Молча посадил огурцы. И ушел, не сказав никому ни слова, ни на кого не взглянув.

Невесело в этот день было на огороде.

А вечером еще и мать журила Груню:

— Как же это так? Огород — общий. Земля — общая. Раз-

ве Ромашкина грядка — это его собственная? Разве он так же не для нас всех старается? А вы его грядку — топтать? Ведь это все равно, что свою топтать! Надо порадоваться, что у парня работа ладится, да поучиться у него, а они вон что! Истоптали! Ну, куда это годится?

— Мама, — повторяла Груня, — ну я же не топтала! И даже не знаю кто! Мы и не думали даже!..

— Так надо узнать, кто такую чепуху сделал. Да хорошенько взыскать. А прощать такие дела нельзя.

9. КОЗИЙ ПАСТУХ

Ромашка был человек гордый, непокладистый и обиду помнил долго. На огороде работал особняком. Окликнут его — не оглядывается. Спросят что-нибудь — не отвечает. Будто он в огороде совсем один — копает-копает, потом отдохнет немножко. Обопрется на заступ и глядит куда-то на деревья, на облака. А потом снова начнет копать. Работал он крепко, споро. Невысокий, коренастый, как молодой дубок, он был самый сильный из всех ребятишек в Городище.

Когда позвали на обед, Ромашка не поднял головы и не выпустил заступа. Груня подошла к нему.

— Ромашка, обедать!

— Без тебя знаю, — буркнул Ромашка.

— Ромашка... Все так и будешь злиться теперь? Ведь говорю тебе — я не знаю, кто... — начала Груня.

Но Ромашка оборвал ее:

— А ты иди! Слыхала? Обедать звали!

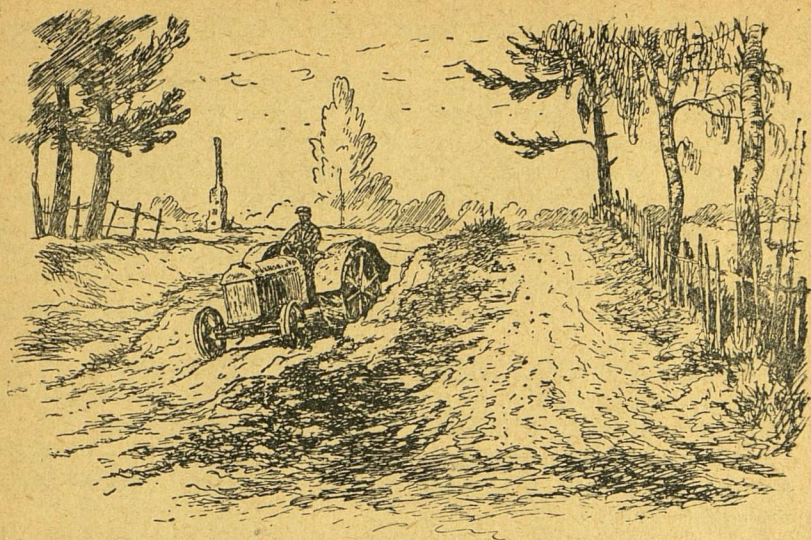
— Да ведь ты все не веришь!

— А кому мне верить — тебе или своим глазам?

— Но я тебе говорю!..

— А можешь и не говорить.

Он всадил заступ в землю и, разминая плечи, пошел с огорода.

Груня с огорченным лицом поплелась следом. У нее очень болели руки и плечи от заступа, и Груня сердилась на себя за это. Почему это она такая не крепкая и не сильная? Вон Стенька! Ее спросишь: «Стенька, устала?» А она: «Не!» — «Стенька, руки болят?» — «Не!» — «Стенька, спину ломит?» — «Не!»

И всегда «не»! И в холод ей не холодно, и в грозу не страшно, и в работе не тяжело.

А Груня, никому не сознаваясь, потихоньку считала, сколько еще дней копать придется. И думала: хватит у нее сил или нехватит?

Но что думать об этом? Должно хватить, раз она бригадир.

День был влажный и теплый. Вскопанная земля, еще сочная от весенних дождей, дышала свежими испарениями. А там, где еще не было вскопано, по серой, засохшей корочке уже побежали зеленые задорные сорняки. Трактор шумел в поле. Но

сколько еще невскопанной земли!.. Эх, побольше бы сюда лошадей, плуги бы!..

Но глаза страшат, а руки делают. Колхозники работали упрямо, настойчиво. Они забыли все свои мелкие свары и ссоры, все обиды, которыми они когда-либо огорчили друг друга. Была только одна мысль, одно устремление — побольше вскопать, побольше поднять земли, побольше засеять. Они в эти напряженные дни понимали всем своим сердцем, всем существом своим, что если они сейчас не поднимут и не засеют землю, значит и колхоза им не поднять.

Грунин отец и сам копал вместе с бабами. Он землю любил и всегда повторял:

— Земля — она фальшивить не будет. Только обработай ее хорошенько да удобри, а уж она с тобой за все расплатится — и хлебом тебя завалит, и одежей, и всякими богатствами!

А по ночам долго кряхтел и охал. Он был ранен в ногу еще в первые дни войны, и каждый раз после трудной работы нога его очень болела.

Но дни проходили. Всё новые и новые поднимались грядки на огородах — и там, где у реки копали под капусту, и на Кулиге, где собирались посадить красную свеклу и помидоры. Уж начали копать и приусадебные огороды. И опять получалось очень странно и непривычно: огороды есть, а изб нету!

В этот день ребятишки копали огород у соседки Федосьи. Тетка Федосья осталась на свете одна: сына ее убили на войне, а больше у нее никого не было. Ей огород копали всем миром. Народу собралось много, работать было весело. Женька дурачился — притворялся, будто он трактор, и рычал, копая землю.

Только Ромашка молчал. А когда его уж очень разбирал смех, он отворачивался и потихоньку улыбался, чтоб никто не видел.

В сумерках Груня и Стенька сидели у пруда. Пруд был розовый от заката. Черные стрижи летали над ним. Груня молча глядела на ракивовую ветку, которая, почти касаясь воды, отчетливо отражалась в ней. И казалось, что две ветки — одна сверху, а другая снизу — смотрели друг на друга.

— Стенька, как ты думаешь? Кто же это все-таки гряды истоптал?

Стенька развела руками:

— Придумать не могу! Женька? Нет, Женька не зловердый. Уж не Раиса ли?

— Неужели она? Тогда уж пусть созналась бы!

— Сознайся попробуй! Ромашка живо колотушек надает.

— Пахнет хорошо — травой, что ли, не то лесом... — помолчав, сказала Груня. — Но, Стенька, ты подумай, как же он может мне не верить? — Брови ее снова нахмурились. — Как это он не верит, раз я говорю?

Стенька махнула рукой:

— Опять за свое! Ну, не верит — и не надо. Вон Трофим свое стадо гонит!

По деревне шли три козы. Беленькие козлята бежали за ними.

А сзади, с хворостиной в руке, шагал Трофим.

— А где же его сподручные-то? — усмехнулась Груня.

— Убежали, небось! — сказала Стенька. — Они его то и дело обдуривают.

Грунин отец купил в колхоз трех коз с козлятами. Коров пока нет, неизвестно, когда вернется эвакуированное стадо. А маленьким ребятишкам все-таки нужно молоко.

Коз пасти отрядили Трофима и двух подружек, Анюту и Полю Полянку, — по козе на человека. Но лукавые девчонки часто обманывали Трофима:

— Ты погляди за нашими козами, ладно? А мы пойдем сморчков поищем. Говорят, на вырубке — пропасть! Мы и тебе дадим!

— Да, как же, дадите!

— Дадим! Все поровну разделим!

— Да, уйдете на целый день.

— Ну что ты! Мы скоро!

И убегали — то за сморчками, то за столбечиками, то на реку за ракушками. Только никогда ничего не приносили Трофиму.

— Да там и нет ничего! Искали-искали!

Иногда пробегают целый день, придут, когда Трофим уж подгоняет коз к деревне. А то и вовсе забудут — не придут совсем. Вот как сегодня.

Груня и Стенька с улыбкой провожали глазами Трофима.

— О, важничает-то как! — сказала Стенька. — Пастух! А тут как-то раз пришел запыленный весь, даже волосы на лбу прилипли. Козы у него удрали.

— Прозевал?

— Не знаю. Не рассказывает.

Груня вдруг подняла голову и уставилась на Стеньку.

— Стенька, а когда это было?

— Да не помню. Третьего дня, кажется. А что?

— Стенька! А уж не он ли со своими козами в огороде был?

У Стеньки широко открылись глаза.

— Ой! И правда! Ой!.. Там и следы-то были маленькие! И потом — круглые такие, будто палкой натыканы. Это, наверно, козы бегали!

— Стенька, позови его! Сейчас мы его допросим!

— Только ты, Груня, его не ругай. Испугается — не скажет. Трофим! Как коз загонишь, приходи сюда! Мы тебе одну историю расскажем!

Трофим загнал коз и пришел. Он спокойно смотрел на них своими ясными голубыми глазами.

— Какую историю? — спросил он.

— Мы, Трофим, историю тебе потом расскажем, — с улыбкой сказала Груня, — а сначала ты нам расскажи.

— А про что?

— Ну, хоть бы вот про то, как у тебя козы убежали!

Трофим густо покраснел и насупил свои белые брови:

— Они не убежали.

— Ну, сегодня-то не убежали. А вот третьего дня?

Трофим мрачно молчал. Ему это «третьего дня» запомнилось очень хорошо.

...Трофим стоял один на бугорке среди желтых одуванчиков и ждал шмелиного меду. Девчонки уверили Трофима, что видели под большой липой шмелиное гнездо, полное меду, и сказали, что сейчас найдут это гнездо, принесут и они все втроем этот мед съедят.

А козы — они хитрые. Особенно старая, с длинной серой шерстью и острыми рогами. Щиплет, щиплет траву, а потом поднимет голову и смотрит на Трофима своими желтыми глазами — следит за нею Трофим или не следит.

Трофим грозился хворостиной:

— Я тебе!

«Следит!» соображала коза и снова принималась щипать траву.

Трофим ждал меду и глядел со своего бугорка туда, где сквозь молодую зелень ракитовых кустов светилась река. Там, возле переезда, ребята поставили забой.

«Небось, теперь рыбы набилось! — думал Трофим. — Плотвы этой, язей!.. Сбегать бы посмотреть, может козы не заметят!»

Но, оглянувшись, он вдруг увидел, что ни одной козы нет на пастбище. Горе взяло Трофима.

«Это не козы, а просто собаки какие-то! Так вот и норовят убежать. Ну, так вот и смотрят!»

Трофим вздохнул, вспоминая, как он выгонял в тот день коз из огородов, как они скакали и бегали по грядкам... Хорошо хоть, что никто не видел!

И, не глядя на Груню, Трофим сказал:

— И третьего дня не убежали!

— Ну? — удивилась Стенька. — Значит, твои помощницы нам неправду сказали? Ну, погоди, вот я их сейчас позову да проберу за это!

— А они почему знают? — сердито сказал Трофим. — Их тогда и не было даже! Я все время один за козой по грядкам гонялся.

Груня и Стенька от души рассмеялись. И Трофим понял, что проговорился. Он отвернулся и молча пошел домой.

У Груни словно гора с плеч свалилась. Она весело вскочила:

— Стенька, пойдем в горелки играть! Пойдем ребят позове-
м. А сначала — к Ромашке!

— Ладно! И сейчас при всех хорошенько с ним посчитаемся — не разобрал, что у него на грядках козиные следы были, а скорей взъерепенился! Пускай ему при народе стыдно будет!

— Нет, Стенька, не надо, — сказала Груня, — уж я ему одному потихоньку скажу. Так будет лучше.

Груня и Стенька в этот вечер напрасно искали Ромашку. А потом Федя сказал, что Ромашка ушел в лес срезать удилище.

Груне так не терпелось рассказать ему все, объяснить, оправдаться — вот, как нарочно, нет его!

— Может, нам в лес пойти?

Но Стенька отмахнулась:

— Вот еще! А вась придет, волки не съедят!

За ужином Груня сказала отцу:

— Вот ругал меня за гряды... А это Трофимовы козы бегали.

— Да ну? — живо отозвался отец. — Значит, нашелся виновник? Ну, надо ему взбучку дать!

— Да нет, не надо! Ведь он нечаянно!

Отец не настаивал. И Груня видела — он очень рад, что это дело случайное и никакого зла тут нет.

Как-то особенно мирно и хорошо было в этот вечер дома. Спали с открытой дверью, потому что в сараюшке было душно.

И Груня перед сном долго смотрела на звездный краешек неба, мерцающий и таинственный.

10. РОМАШКА КОМАНДУЕТ

Утром первой заботой Груни было повидать Ромашку. Она пришла в ригу. Но оказалось, что Ромашка уже ушел к забоям.

Груня побежала на реку.

Утро было свежее. Пели жаворонки. Цветы на лугу открывались навстречу солнцу, а на каждой травинке висела светлая капелька росы.

Груня еще издали увидела Ромашку. Он прилаживал удочку возле кустов.

— Ромашка! — дружелюбно окликнула его Груня.

Ромашка быстро взглянул на нее, но не ответил, а продолжал делать свое дело, будто тут и нет никого. Груня усмехнулась.

— Ромашка, ты что говорил?

— Ничего не говорил.

— Ты говорил, что мы твои гряды испортили...

— Ну и что?

— А вот и не мы! Это Трофим. У него козы убежали. А он их сгонял. Вот как было! А ты ничего не разобрал! Ничего! И скорей — на нас! А товарищи разве так делают? Товарищи так не делают. Товарищи сначала узнают, сначала спросят. И товарищи, если им говорят «нет» или «да», так они верят. А ты — и не спросил и не поверил! Эх, ты!

Груня не собиралась ссориться. Но против воли обида одолела ее. Она повернулась и, не оглядываясь, быстро пошла от реки.

Ромашка молча смотрел ей вслед. Но тут плеснула вода, удочка дрогнула, и все внимание Ромашки устремилось на нее.

Однако, вытягивая из воды жерлицу, на конце которой дергалась и металась узкая молодая щучка, Ромашка машинально повторял вполголоса:

— Трофим... Так бы и говорили сразу, что Трофим... А я почему знал?

Вытащив щучку, Ромашка беззлобно погрозил кулаком по направлению к деревне:

— Ну, подожди ты у меня, белый гриб! Я тебе бубны выбью! Запустил коз — так и скажи, что запустил. А людей в обман вводить нечего!

В этот день в огородах сажали последнюю рассаду. Ромашка еще хмурился, он не знал, как ему повернуть свои отношения с ребятами. Он чувствовал свою вину, а сознаться в этом не мог. Он делал ямки для рассады и поглядывал исподлобья то на Женьку, то на Груню.

Что бы это им сказать? Вот сейчас он спросит, кто за рассадой ходил.

Ну, и глупый вопрос! И так всем известно, что за рассадой ходили Федя и Козлик.

Пока Ромашка раздумывал, с чего бы ему начать, Груня сама обратилась к нему.

— Ромашка, — как всегда, дружелюбно сказала она, — ты ямки сделаешь и уйдешь? Или с нами сажать будешь?

— А чего ж я уйду? — мирным голосом ответил Ромашка, втайне обрадованный. — Конечно, сажать буду.

— Вот и хорошо, — сказала Груня. — А то тетка Елена просила подольше поработать сегодня, потому что рассады много...

Ромашка поглядел на голубовато-зеленую грядку капустной рассады.

— Рассады-то много. Только вот работают у тебя больно лениво. Кабы я бригадир был...

— А, пожалуйста, — весело согласилась Груня, — вот бы мне-то хорошо было!

— Так ведь сразу нельзя, — возразил Ромашка, — это ведь снова выбирать надо... А вот помочь, если хочешь, помогу. С ними круче надо. Надо, чтобы они боялись. А ты что? Ты — как курица. Но подожди, я сейчас наведу порядок... Эй, Раиса! — закричал он через минуту. — Ты что — живая или мертвая? Шевели руками!

— А ты что за начальник?

— Вот и начальник. Работать надо. Федь, оглянись назад!

— А что? — спросил Федя оглядываясь.

— А то. Не видишь — что?

Ромашка быстро подошел к Феде, неожиданно взял его за шею и пригнул почти к самой грядке.

— Как сажаешь? У тебя рассада на боку лежит! Видишь теперь?

— Отпусти шею!

Федя высвободился из Ромашкиных рук и, надувшись, отошел к изгороди.

— Куда пошел? Сажай капусту! — крикнул Ромашка.

Но Федя не обернулся. Он стоял, обиженно посапывая носом, и ворчал:

— Что большой — то и шею гнуть? Подожди, я тебе припомню. Не буду капусту сажать, вот и все! Сажай сам!

— Раиса! — снова закричал Ромашка. — Ты опять спишь? Опять отстаешь?

— Ну и не кричи! — рассердилась Раиса. — Только и кричит! Как делаю, так и буду делать.

— Нет, не так будешь делать! А будешь делать, как я велю!

— Ох, какой!

— А вот такой! Будешь работать как следует или нет?

Раиса вскочила, швырнула в межу рассаду и решительно пошла с огорода.

— Ромашка, — негромко сказала Груня, — ну, что ты!

— Пусть идет, — ответил Ромашка, — все равно от нее толку нет.

Все молчали. Женька, усмехаясь, поглядывал на Ромашку, строил ему рожи исподтишка. А потом, чтобы развлечься, начал придумывать.

— Как вы думаете, что вырастет вот из этого корня? — спросил он.

— Кочан. А то что же?

— Из этого корня у меня вырастет дыня. Сейчас я скажу

волшебное слово. Тише! «Фун-ти-брыня — вырасти дыня!» Готово! — И он проворно примял землю вокруг корешка.

Девочки засмеялись.

— А вот из этого вырастет у меня... хм... ананас! Тише! «Фун-ти-брас — будет ананас!» Готово!

Вдруг толчок в спину заставил его покачнуться. Ромашка стоял перед ним:

— Ты что, на работе или фокусник на ярмарке?

Женька обозлился и, размахнувшись, ударил Ромашку в грудь.

Они вцепились друг в друга, как петухи.

Стенька подскочила разнимать их.

— Бросьте сейчас же! Бросьте! — кричала она и стучала кулаками по спине то одному, то другому.

Козлик со страху убежал в дальний угол, забился в смородиновый куст и глядел оттуда. Ромашка опомнился первый и выпустил Женьку.

— Очень надо с дураками работать! — сказал Женька и, сверкая черными злыми глазами, с пылающим лицом, пошел на другой огород, где работали взрослые.

Груня с крушением смотрела на потоптанную грядку, на испорченный корешок рассады, на опустевший огород.

— Вот как ты мне помог, Ромашка! Вот как ты мне помог! — сказала она. — Знаешь что?.. Лучше уж ты сажай капусту, Ромашка... А мне больше не помогай. Уж я как-нибудь сама...

— Как хочешь, — пробурчал Ромашка и отошел на свою борозду.

Груня вызвала Козлика из куста. Уговорила и умаслила Федю.

В этот день работали наравне с большими дотемна и очень устали. Еле заступы до дому доволокли.

Но зато завтра! Завтра — отдых! Больше никаких дел ребятишкам нет, гуляй, пока сорняки в огород не нагрянут!

II. ПЕРВЫЙ ГОСТЬ С ФРОНТА

Стоял горячий полдень. Усталый и загорелый, заглянул в сараюшку солдат.

— Входи! Кто там? — отозвалась больная бабушка со своего сундука.

Солдат вошел, спустил с плеча котомку. Улыбаясь, подошел к бабушке; крупные белые зубы блестели на смуглом лице.

— Здравствуй, мама!

— Сергей! Сынок! — ахнула бабушка и протянула к нему руки. — Вернулся!

И заплакала.

Бабушка заплакала от радости, а солдат подумал, что, значит, в доме несчастье. Оглянулся — никого нет в сараюшке. И спросил нерешительно:

— Где же... народ? Живы?

— Живы! Все живы! Только я вот все хвораю. Простыла в ямах-то этих... Ведь мы тут от немцев ямы копали, прятались. Да я встану сейчас, всех позову... Ах ты, батюшка, радость какая!

— Значит, живы, мама? Все живы — сестра, зять, Груня?

— Все! Пережить тут пришлось... Слов нет!

— Но пережили! Выдержали! Нет, нет, уж ты, мама, не вставай. Я сейчас сам всех найду.

— А деревню-то видал, как спалили? Одни березы стоят!

— Видал. Чуть мимо не прошел. Но это, мама, ничего. Лесу кругом много, отстроимся. Руки-то — вот они. Целы!

— Целы! А что спина осколком пробита — забыл?

— Э, спина, спина! Спину под рубашкой не видно!

Груня полоскала белье на пруду. А потом пришла к своему сараюшке и хотела развешивать. Но услышала знакомый голос, бросила все рубашки и кофты на траву и побежала в сараюшку.

В дверях она застенчиво остановилась.

— Дядя Сергей... — сказала она шопотом.

— А, Грунюшка, здравствуй! — отозвался солдат. Он вскочил, стукнулся лбом о низкую притолоку и крикнул. — Вот так

дом у вас! Ни встать человеку, ни выйти. А мать где? А отец? Пойдем, пойдем, поищем!

Груня засмеялась.

— А чего их искать-то? Вон они из лесу идут.

И побежала им навстречу.

— Дядя Сергей приехал! Дядя Сергей приехал!

Только один человек прибавился в деревне, а стало заметно веселее. Уж очень живой и расторопный был молодой солдат Сергей, Грунин дядя.

В первый же день он пошел таскать воду с девушками, поливать огороды. Обошел всю колхозную землю — и поле, где посеян овес, и картофельное поле, и капусту посмотрел.

А вечером бабы осаждали его вопросами:

— Ну как, Сергей, немец-то все еще силен?

— Виден ли конец войне-то?

Как только заходил разговор о войне, у дяди Сергея сразу темнело лицо. Вспоминалось все пережитое, все, что пришлось вынести и увидеть.

Отвечал он скупно, сдержанно: конец войне тогда наступит, когда немца разобьем. Еще грозные бои будут. Под Орлом и Курском немец собрал большие силы. Придется повоевать. Но уж если из-под Сталинграда погнали — погоним и здесь...

Ребята так и ходили за дядей Сергеем стайкой.

— Покажи медали-то... Что ж ты только ленточки носишь?

— Когда-нибудь покажу. А пока глядите вот на это. — Он показал желтую ленточку на правой стороне гимнастерки. — Вот это ордена стоит!

— Я знаю, — сказал Ромашка, — это тяжелое ранение.

— Правильно. Медали за то, что хорошо воевал. А это за то, что крови своей не жалел за родину.

— А как тебя ударило, дядя Сергей? Осколком или бомбой?

— А раненного тебя на чем везли?

— Ох, и дотошные! И все-то им нужно! Уходите вы от меня, потом расскажу!

Однажды ребята увидели, как Грунин отец и дядя Сергей прошли по улице с пилой и топорами.

— Это они пошли лес резать, — задумчиво сказал Ромашка, — избу ставить будут. Вот бы и нам надо с матерью!

— И нам бы, — негромко отозвалась Стенька, — да только у нас некому. Вот Трофим подрастет — тогда мы с ним лес валить будем.

— А когда к нам брат Виктор приедет, — гордо сказала Раиса, — он еще и не такую избу построит! Только вот лес возить — на чем? — добавила она помолчав. — Лошадей-то, небось, председатель не даст. Пока себе не навозит.

— Значит, у одного только председателя изба будет, да? — вдруг спросил молчаливый Федя. — Так одна и будет стоять во всей деревне?

— А что ж? Очень просто, — сказала Раиса. — Лошадьми кто распоряжается? Он! Вот и будет себе возить. А что же? Председателям хорошо!

— Грунь, правда? — Стенька обернулась к Груне. — Только вы одни строиться будете, да?

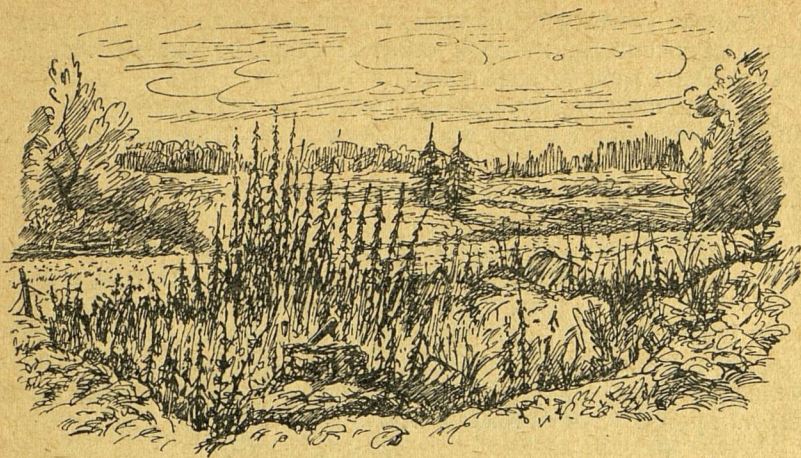
— А она почему знает? — вдруг заступился за Груню Ромашка. — И никто ничего не знает. Вот когда привезут бревна, тогда и увидим.

Груня в этот день снова пошла на старую усадьбу. На пепелище буйно разрослись седые лопухи и веселая, словно кружевная, крапива. Они совсем закрыли черные обломки пожарища. В палисаднике цвела сирень. Нижние ветки кто-то обломал — наверное, маленькие девчонки. А наверху празднично красовались лиловые цветы. Груня видела, как ветерок покачивал их, а потом уносил маленькие бледные лепестки.

— Сирень облетает, лето на порог ступило...

Это бабушкина примета. Старые люди все примечают — и как облака идут, к ведру или к ненастью, и как туман стелется, и как солнце садится... Это очень интересно — все примечать. Вот и Груня тоже кое-чему научилась от бабушки: сирень облетает — кончилась весна, лето на порог ступило.

Снова вспомнился разговор с начальником. Значит, начинается стройка! И Груня уже видела, как везут из лесу бревна, как складывают их костром вот тут, на усадьбе... А потом отец

и дядя Сергей чистят их, обрубают... И вот — венец за венцом поднимается новая, совсем новенькая изба! Со смолкой!

Какие наличники у них будут? Наличники у них будут голубые с белым, как небо с облаками. Или нет — красные, малиновые, как иван-чай! Вот они с матерью убираются в новой избе, топят печку, вешают занавески... И по всем окнам ставит Груня баночки с цветами!

Груня покосилась на бурьян и улыбнулась. Где изба? Еще нет. Но она скоро будет. Уже ходят по лесу отец и дядя Сергей, уже звенит пила, трещат и валятся деревья. Для кого звенит пила? Для кого валят деревья?

— Для нас... — шепчет Груня, — для нашей избы. А как будет хорошо лежать бабушке в высокой горнице у светлого окна!

Но тут почему-то вспомнились Стенька и Трофим. А как же они? У них отец в госпитале, говорят — очень тяжело ранен, может и домой не приедет... Как же они? Значит, пока Трофим не вырастет, они так и будут, как мыши, в соломе жить?

А тетка Федосья? Ей и вовсе некого ждать. А Ромашка?

И снова увидела Груня свою новую высокую избу с малиновыми наличниками, которая стоит и сверкает окнами над сиренью. Одна изба на всей улице.

А в деревне — попрежнему бурьян да обгорелые трубы... Но как же тогда сможет жить Груня в своей новой высокой избе?

И, полная раздумья, она пошла спросить об этом у матери. А мать сказала:

— Нам строиться? Что за спешка? У людей вон ребятишки маленькие, отец на войне, а то и вовсе нет отца... Вот им и надо избы в первую очередь, а мы и повременить можем.

И Груня увидела, как рухнула и рассыпалась ее новая изба с малиновыми наличниками... Сердце слегка сжалось. Но у других будут дома — и у них когда-нибудь будет. А чтобы один дом на пустой улице стоял — нет, лучше не надо.

12. В ДЕРЕВНЕ ПАХНЕТ СТРУЖКАМИ

И все случилось не так, как говорила Раиса. Пришла первая подвода из леса. Но лошадью правила тетка Дарья Соколова, а не председатель. И не на председателю усадьбу свалила она лес, а на свою. У тетки Дарьи не было мужиков в доме. Муж погиб на войне смертью героя. А у нее осталось четверо ребятишек, и самая старшая — кудрявая Анюта, Трофимова помощница.

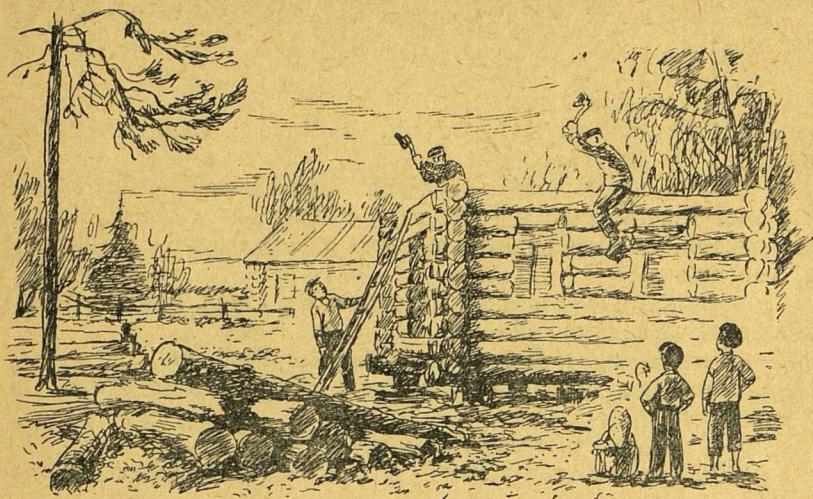
Анюта ходила гордая и всем говорила:

— А у нас изба будет!

Веселое наступило время — зацвели луга, солнце грело полетному, а если выпадали дожди, то им только радовались: огороды польют.

Появилась новая забота — нагрянули на огороды сорняки.

Огородница тетка Елена назначила норму Груниной бригаде — каждый день четыре часа полоть.

Ребятишки ходили полоть с утра. Болела спина, уставали руки, саднило ладони, исколотые молочаем, изрезанные пыреем. Но зато с обеда и до вечера убежали кто куда хотел — в лес, на луг, на реку.

Груня и Стенька собирали всех маленьких ребятишек и уходили с ними на реку. Купались в тихой мелкой воде, бегали по теплому песку, собирали на лугу столбечики.

А когда возвращались домой, слышно было, как стучат в деревне топоры. Это плотники пришли из района и взялись за дело.

— Анята, слышишь? Тебе дом строят!

Анята улыбалась и протяжно отвечала:

— Слы-ышу...

Как-то встретился с Анятой председатель и тоже спросил:

— Ну? Кому дом строят — как думаешь?

— На-ам... — отвечала Анята и сразу начала улыбаться.

— А меня как — когда ночевать пустишь? Али уж не рас- считывать?

— Пущу-у...

— А Груньку?

— И Груньку-у... И Трофима. А Женьку длинноногого не пущу-у... Он меня пастухом зовет.

— Ну и пусть зовет, — сказал председатель. — Это очень хорошо. Значит, у тебя тоже своя специальность есть. Только ты, смотри, справляй получше свою специальность. Чтобы зря не говорили. А?

Анюта поглядела на него. Наверно, уж узнал, что она от коз убегает. Вот ведь какой — хромой, а все знает!

— Это все врут! Я справляю! Спроси Трофима!

И опять испугалась: а вдруг он и правда сейчас пойдет, да и спросит?

Но председатель только усмехнулся себе в усы.

— Да я и так тебе верю — чего ж мне у Трофима спрашивать!

И пошел своей дорогой.

Анюта немножко постояла, подумала... Девчонки на реке... А потом хотели на косогор итти — говорят, там на припеке уже ягоды показались...

Ну, подумав, она все-таки повернула на луг, где паслись козы и одиноко страдал Трофим.

«Конечно, справля-яю... — повторяла она сама себе. — А что ж? Обманываю? Конечно, справля-яю...»

Голые, омытые соком бревна лежали под солнцем. Они были светлые и желтые, как мед. Прозрачная смола стекала по свежим срезам.

Вечером, когда плотников уже не было на усадьбе, Женька и Ромашка вкатили одно бревно на кучку кирпичей и устроили качели. Бревно было длинное, почти все ребяташки уселись. Ну и радость у них была, ну и веселье! Такого крику и смеху давно уже не слышало село Городище.

А потом девочки придумали свою игру. Из чурок и щепок строили двory, загоны, шалашы. Куклы из тряпок жили в ша-

лашах. Квадратные чурочки изображали лошадей и коров. Девочки выгоняли свое стадо на лужок, рвали для них траву, водили их поить на пруд, а потом ставили в стойла. В эту игру можно было играть целый день.

13. КТО ПРИЕХАЛ?

Еще один человек пришел с фронта. Только этот человек не радость и не веселье принес с собою. Он принес с собой свое большое несчастье, понуренную голову и раньше времени поседевшие виски.

Неожиданно днем пришла из района подвода и остановилась среди деревни. С телеги слезла чужая женщина в белой больничной косынке. А потом слез солдат. Он слезал осторожно, наощупь, хватаясь за руку женщины. Откуда-то быстро собрался народ.

— Кто?

— Кто приехал?

Солдат остановился, поднял голову, глядя куда-то поверх голов, и все увидели, что лицо у него в синих точках ожога и что он слепой.

Все молчали — догадывались, узнавали.

Вдруг Трофим крикнул:

— Папка!

Солдат вздрогнул, протянул руки в сторону Трофима:

— Сынок!

И сразу зашумели, заговорили бабы. Крикнула и замолкла, будто у нее перехватило дух, Трофимова мать. Трофим подбежал к отцу, обхватил его колени. А солдат поднял его, прижал к себе и заплакал.

— Первый узнал! — повторял он хриплым от слез голосом. — Первый отца узнал! Ах, ты!.. Слепого... слепого отца узнал!

А потом поднял свое незрячее лицо и сказал:

— Ну что ж, здравствуйте, граждане. Вот какой я к вам

нынче вернулся. Где тут родня-то моя? Ведите в избу — один ходить не могу.

— Здравствуй, Егор, — сказала Трофимова мать. Она вытерла фартуком слезы и старалась говорить веселым голосом: — Давай руку, вот она — я. Вся родня твоя тут, с тобой!

И радость и слезы одолевали ее. Она крепко обняла мужа, целовала его седые виски и слепые глаза.

— А Стенька где?

— И я здесь, папынька! — живо отозвалась Стенька. — Я тоже здесь. Только у нас избы нету, мы в соломенном шалаше живем. А потом всем миром будем избы строить. Тетке Дарье уже строят — плотники пришли!

— Ну что ж, в шалаш, так в шалаш. Слышал я, что тут немцы у нас погуляли... — Дядя Егор грустно покивал головой. — А уж избу мне вам теперь не построить... Отработался. Нахлебником стал.

И побрел к шалашу, куда повели его Трофим и Стенька. А мать шла за ними, утирая фартуком лицо.

С этого дня Трофима освободили от пастбища. Коз пасти послали Федю. Он был побольше, чем Трофим, и посердитее. Его и козы и девчонки-помощницы побаивались, не убегали куда вздумается.

А Трофим стал поводырем у слепого отца. Он всюду водил его за руку и очень гордился: раньше отец водил его за руку, а теперь он отца водит!

Вот они идут по дороге. Только что прошел дождь, солнышко блестит в лужах, теплый пар поднимается от земли. Они идут медленно: отец один шаг делает, а Трофим — три.

— Эй, отец, ты гляди, — кричит Трофим, — тут лужа!

— Это уж, брат, ты гляди, — отвечает отец, — а мне глядеть нечем. Сюда? Или сюда?

— Сюда, сюда! Эх ты, все-таки немножко шлепнул в лужу. Я тебя тяну, а ты не тянешься... Ты держись крепче за руку-то!

— Да уж я и так держусь!.. Трофим, — немного погодя сказал отец, — ты мне получше расскажи, каково наше Городи-

ще. Чьи-нибудь стройки стоят? Или уж так совсем и нет ни одной?

Трофим отвечал охотно. И так торопился, что сразу и не поймешь у него, что к чему.

— Ни одной стройки нету, скворец у Касаткиных живет, а в риге тоже живут. А скворец живет в скворечне, только ласточкам негде — они в кузне не живут, и в риге тесно, людей полно, и землянки они не любят...

— Подожди ты, брат, потише! — остановил его отец. — Ты как-то говоришь-то без точек, без запятых. Что-то и стройки и ласточки — все в одну кучу сложил. Домá-то у кого остались или нет?

— Ни у кого не остались. А Касаткины лес взяли — только не на свою усадьбу, а на тетки Дарьину...

— Значит, мы идем не по улице? А так, по пустой дороге?

— Как это по пустой? А деревья-то стоят! И палисадники некоторые стоят. А нашего — нет. Порубили.

— А машины остались какие? Косилка? Веялка? Ну, хоть что-нибудь, а?

— Никакие машины не остались. Они были в сараюшке за перты, замок большой — с ведро!

— О?

— Ну да! А немцы не могли никак сшибить. Сшибали, сшибали ломом — и не сшибли. Взяли да под крышу огня сунули. Вот теперь там одни железные шины от колес валяются и всякие железки — гайки там, болтики... А машин нету. Все погорели начисто. Во как!

— А молотилка?

— И молотилка! Все сгорело!

Отец понурил голову и закрыл рукой слепые глаза.

Трофимов отец был слесарь и механик в колхозе, и все колхозные машины были когда-то на его руках: он следил за ними, чистил их, ремонтировал.

Трофим дернул его за руку:

— Ну, чего ты? Опять плачешь, что ли?

— Тут бревнышка нет ли? Посидеть бы... — хрипло сказал отец.

— Есть! Пойдем на новую стройку. Там бревна чистые!

Они долго сидели в холодке. Отец молчал и в ответ на какие-то свои мысли покачивал головой. А Трофим рассказывал ему обо всем — и о том, как сейчас стрижи просвистели, и о козах, которых он пас недавно, и о лошадях, подаренных колхозу, и о забое, в котором набилась уйма плотвы. И не заботился о том, слышит его отец или нет. Да и как же он не будет слышать, если Трофим сидит рядом и говорит!

Отец долго молчал. Потянул ветер с лугов, теплый, густой от медовых запахов. Отец поднял голову, понюхал воздух:

— Трава поспеваает. Надо косы бить... — И тут же опять понурился. — Людям — горячая пора. Работы — невпроворот, со всех сторон подпирает. А я вот сижу, как пень, да на солнышке греюсь... Эх!

Отец горестно и безнадежно махнул рукой.

— Ну, чего ты! — сказал Трофим. — Что, думаешь, без тебя не справимся, что ли? Еще как справимся-то! Вот подрасту еще немножко — и пойдем со Стенькой лес валить. На стройку. Вот и дом будет. А ты все «эх» да «эх»! Во, во — гляди! Коршун планирует! Это он кур высматривает!

— Большой?

— Большой. Чего планируешь? Лети дальше — в Городище кур нету!

14. ВСАДНИКИ НА ГРАБЛЯХ

Созревал урожай, надвигалась тяжелая страдная пора. А урожай в этом году готовился небывалый. Может, оттого, что весна удалась спорая, может оттого, что люди крепко потрудились над землей. А может, еще и оттого, что сеяли они в этом году семенами, присланными из района. А семена эти были сортовые.

И в огородах в этом году, кроме обычных овощей, насажали такого, чего сроду не видели и не садили: тыкву, сельдерей, какой-то особый сорт сладких помидоров, крупную сахарную фасоль. Садили все, что было прислано, лишь бы засадить побольше.

И, словно в награду за все их страдания, за их неподъемный труд, и в полях и на огородах все так и лезло из земли, так и бушевало.

— Покос-то пора бы начинать, — как-то утром сказала Грунина мать, — погода стоит складная.

Отец только что пришел из лесу. Рубашка у него на спине потемнела от пота и прилипла к плечам.

— Рано еще, — ответил он. — Петрова дня подождать надо.

Но мать хоть и кротким голосом, однако очень настойчиво продолжала свое:

— А что тебе Петров день? Скажешь — трава молода? Так пока косим — дозреет. А то гляди — рожь подхватит, а там овес. На наш урожай рук много надо — только поворачивайся! Да что я тебе говорю, Василий! Сам все знаешь.

— Тогда, значит, надо косы бить, — сказал отец.

— Да, видно, что так.

— Косы бить! Косы бить! — пошло по деревне.

К вечеру глухо и звонко застучали молотки по новым, еще не опробованным косам. И, тайно вздохнув, снова приняла свою бригадирскую заботу Груня.

— Давай нам грабли, председатель, — сказала она отцу. — Смотри, чтобы всем хватило.

— Сколько тебе граблей?

Груня подсчитала по пальцам:

— Десять.

— О! Куда столько?

— Ах да, Трофим выбывает! Ну, девять.

— Ступай отбери у кладовщика. Да не ломать — из трудней вычитать буду. Лесхоз даром грабли не дарит. Слышишь, бригадир?

— Слышу, председатель.

Коротка летняя ночь. Еще не догорела вечерняя заря, еще не замолкли девичьи песни под березками у пруда, а уж на востоке чистым светом засветилась заря утренняя. Вставайте, городищенцы, берите косы, идите на луга!

Поднялись городищенцы, взяли косы и пошли на луга. За шумела трава под косой, и ряд за рядом полегли на землю белые, лиловые и малиновые цветы.

А утром, когда солнце поднялось над лесом и осушило росу, на луг выехала веселая конница. Только всадники были невелики собой, одни вихрастые, другие с косичками, все босые, а вместо коней у них были грабли.

Впереди отряда скакала озорная Стенька. Она собрала маленьких ребятишек и, чтобы не скучно им было итти, придумала превратить грабли в коней. А ребятишкам и в самом деле казалось, что это не их босые ноги бегут и скачут по тропке, а что несут их лихие легкие кони. Они размахивали хворостинами, кричали и погоняли коней.

Груня посмеивалась, глядя на Стеньку. Если бы не немцы — им бы теперь уже в пятом классе быть! А она с маленькими ребятишками на граблях скачет.

Всадники доскакали до скошенного и остановились.

— Пусть кони отдохнут, — сказал Ромашка, — а то запалить можно!

А сам подумал:

«Эх! Где-то наши лошади теперь! Вот бы я дал аллюру!»

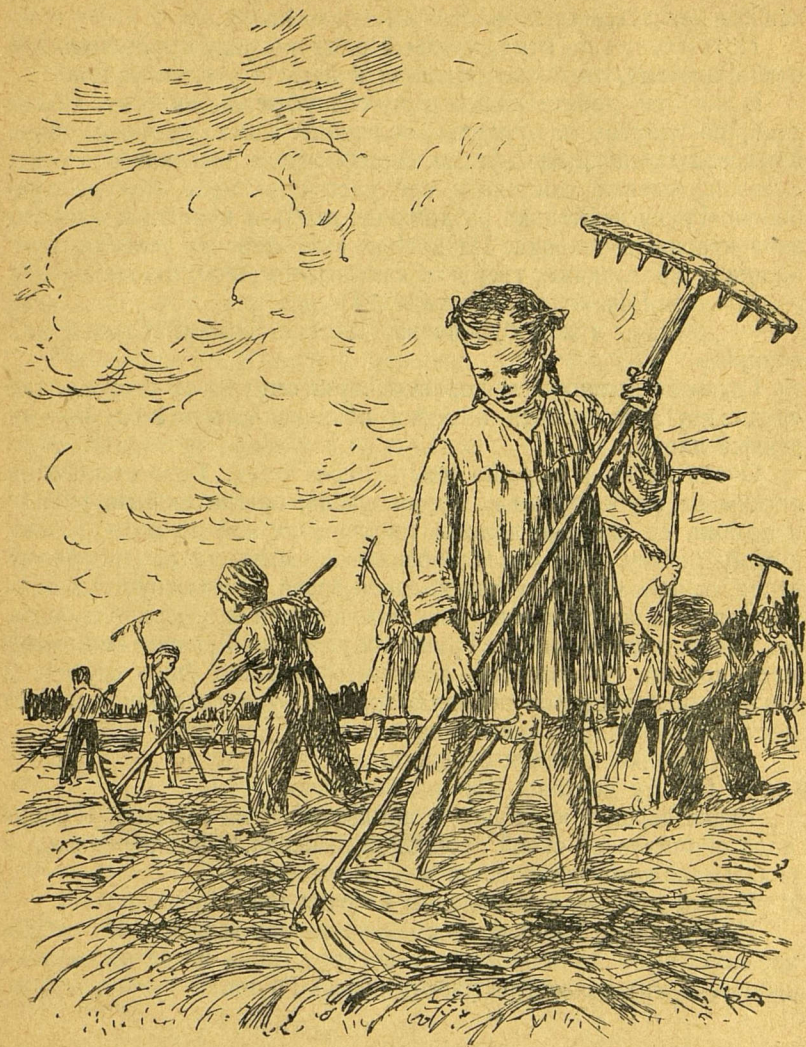
На лугу далеко-далеко, до самой реки, лежала валами скошенная трава. Ребята перевернули грабли ручками вниз и принялись разбивать густые, чуть привядшие валы.

Груня окинула глазами свою бригаду — опять нет Раисы! Грабли взяла, а на работу не вышла.

«Ну, подожди же, — подумала Груня с досадой, — подожди! Вот как выведу тебя на собрание — так ты тогда узнаешь! Пристыжу тебя при всем народе!»

И не было на покосе Трофима.

Он видел, как веселая конница с криками помчалась по деревне, он долго глядел, как поднималась за ними по дороге

невysокая пыль... Как бы он сейчас тоже мчался вместе с ними, как бы нахлестывал хворостиной своего коня!..

Но взглянул на отца, который одиноко сидел у соломенной стены шалаша, тихонько подошел к нему и уселся рядом.

В полдень ребята прямо с покоса убежали на реку. Сохло сено, раскинутое на припеке, сладкий запах травки-душицы плыл над скошенными лугами. А ребяташки плескались в реке, плавали, ныряли, доставали еле распустившиеся желтые кувшинки. Груня и Стенька из длинных стеблей кувшинок сделали себе красивые цепочки. На концах этих цепочек висели кувшинки — прохладные, твердые, как литое золото, цветы.

Анюта и Варюшка приставали к Груне:

— Достань и нам бубенчики! Достань и нам! Сделай цепочку!

Груня не поленилась, поплыла через омут на ту сторону, где среди круглых листьев и осоки покачивались на воде желтые речные цветы.

Очень легко и хорошо плыть через омут. Тело становится легким на глубокой воде. Груня плыла, слегка шевеля руками и ногами, ее светлые волосы тянулись за ней по воде. Ближе к тому берегу вода стала прозрачней, замерцал на дне белый песок, зашевелилась густая водяная трава. Груня опустила ноги и встала. Синие стрекозы стайками взлетали над осокой и белыми цветами стрелолиста. Груня тянулась за кувшинками, хотелось достать их издали — почему-то страшно было ступать в темную шевелящуюся водяную траву. Груня не любила в реке мест, где не видно светлого дна.

А девчонки кричали с берега:

— Вон ту достань! Вон ту, большую!

Груня нарвала кувшинок и поплыла с ними обратно. И снова вода обнимала ее своей прохладой, и несла, и поддерживала, и светлые волосы тянулись за ней по воде.

Целый день не вылезала бы из реки Груня!

Но Груня не вылезет — и девчонки не вылезут. И ребята проловят рыбу да провозятся с костром, пока их не позовут на работу. А кто должен на работу звать? Груня.

Неожиданно у реки появилась Раиса. Она шла и хромала. Нога у нее была завязана тряпкой. И, не дожидаясь, когда Груня спросит ее, она еще издали закричала:

— А как я на покос пойду? Ногу напоролла гвоздем. Попробуй-ка с напоротой ногой по колкому походи!

— А вот как на речку — так пришла, — сказала Стенька.

— Да ведь вы на граблях ускакали! А как же я с напоротой ногой?

А Груня будто и не видела Раисы. Ей надоело ссориться с нею, надоело ее уговаривать. Но она твердо решила, что при первом же случае — будет ли собрание, придется ли отчитываться за свою бригаду — она перед всем народом покажет Раисину, наполовину пустую, трудовую книжку.

Ребятишки вернулись в деревню нарядные — в венках, в разных цепочках с желтыми подвесками. Солнце припекало им головы, но косички у девочек были еще мокрые, и желтые бубенчики на их головах и на груди еще были влажные и пахли рекой.

Трофим вышел на дорогу и молча глядел на них. Он вдруг почувствовал неодолимую тоску по реке, по воде, по столбечикам на лугу, по костру, который любят разжигать на берегу Женька и Ромашка... Как бы он побежал сейчас, да сбросил бы на ходу и штаны и рубаху, да прыгнул бы в воду с бугорка, и брызги над ним поднялись бы до облака!..

— Стенька, дай бубенчик! — сказал он.

— Ишь какой! — ответила Стенька. — Слазай да достань!

Но тут вышел из шалаша отец, держась рукой за соломенную стену. Он еще никак не мог привыкнуть ходить один с палкой. Не чувствуя тропочки, он шел прямо в разлзатый ракитовый куст; еще немного — и наткнется на жесткие корявые сучья.

Трофим бегом бросился к отцу:

— Постой! Куда идешь-то? Постой! На куст напорешься!

Стенька вдруг покраснела, да так, что слезы проступили на глазах. Она подбежала к Трофиму, когда он уводил отца.

— Думаешь, правда не дам? — сказала она. — Какую хочешь цепочку бери! А хочешь, все бери!

Она сняла и с шеи и с головы все свои речные украшения и отдала Трофиму.

— А ты что все со мной нянчишься? — сказал Трофиму отец. — Шел бы и ты с ребятами купаться!

— Да, шел бы, — ответил Трофим, — а ты тут один забредешь куда-нибудь... Авось река-то не высохнет. Накупаюсь еще.

А потом, помолчав, сказал:

— Да я и в пруду искупаться могу. Только вот пиявки...

15. РЫЖОНКА ДОМОЙ ПРИШЛА

Прошел слух, что возвращается колхозное стадо. Кто-то приехал из города, рассказывали, что видели городищенского пастуха Ефима. Будто бы недалеко от станции отдыхало в лесу стадо, а пастух стоял на дороге, ждал, кто пойдет с огоньком — прикурить, потому что спички у него в дороге вышли.

Говорили, что постарел Ефим, почернел, бородой оброс, а борода рыжая! Видно, повидал мѹки на дальних дорогах.

Но — говорили, поджидали, посматривали на выгон, а стадо все не появлялось. Так и перестали говорить. Может, ошиблись люди. Может, то вовсе и не Ефим был.

Да и некогда было много разговаривать. Покос стоял в самом разгаре. Сначала завернули пасмурные дни, хмурилось, моросило. Косари косили, а сушить негде было. А когда выглянуло солнышко да повеял жаркий ветерок, сырого сена было полным-полно. И на лугу и на лесных покосах. Не управлялись ворошить, не управлялись сгрести сухое. Сено с лугов не возили — и не на чем было возить и некуда было возить. Сараев не оставалось ни одного. Складывали прямо на месте высокие крутые стога и торопились сложить их, пока хорошая погода.

В эти дни городищенцы забыли, как отдыхают. Даже ребяташкам некогда было поплескаться в реке. Сбегают, проплывут разок — да обратно. А без купанья не выдержишь — жарко,

платье прилипает, сенинки, забившись за ворот, колются и щечкочут.

Ребят часто посылали уминать стог. Стог сначала низкий, широкый, а потом он делается все уже, все выше... Становится опасно — того и гляди, сорвешься. А когда кто-нибудь — и чаще всего Женька — срывался и летел со стога вверх ногами, то и луг и лес гремели от смеха.

А Трофим попрежнему один оставался в деревне. Он купался в пруду, выходил иногда на скошенную усадьбу, где Федя пас коз, сидел с Федей на бугорке. Бегал на ближнюю стройку — строились Звонковы, Ромашкина семья. Бегал он туда за чурками для игры, за стружками на растопку. Иногда успевал поссориться или даже подраться с маленькой Анютой, которая все хвасталась, что у нее уже настоящий дом есть, а Трофим так и будет всегда жить в соломе.

Далеко от дома Трофим никогда не убежал. Чуть отец позовет его, а уж он тут, уж он слышит и бежит к нему.

Но случился и с Трофимом грех. Убежал он от отца, да и забыл о нем до самого вечера.

Это было в полдень. Тихо и безлюдно было в деревне. Даже топоры не стучали — плотники отдыхали в жаркие часы. Плотно лежала пыль на дороге, неподвижно дремали старые березы. Отец уснул в холодке, свесив на руки свою поседевшую голову, а Трофим, разморенный жарой, сидел у пруда, болтал ногами в воде и смотрел, как от его ног бросаются враспынную круглые черные головастики.

«А что, рыбы головастиков берут или нет? — лениво думал он. — Наверно, берут. Только как его на крючок наткнуть? Наткнешь, а он, пожалуй, лопнет...»

И вдруг в этой жаркой неподвижной тишине Трофиму слышалось, что где-то недалеко промычала корова.

«Что это? — насторожился Трофим. — Откуда-то корова забрела...»

Он прислушался. Но в деревне попрежнему лежала глубокая тишина. Только жужжал шмель да невидимый жаворонок пел в небе.

«Показалось!» решил Трофим. И снова начал приглядываться к головастикам: «Вишь, как они тепло любят, так и жмутся к берегу, где сильнее греет. Большие стали, вон и лапочки чуть-чуть показываются».

Тут опять промычала корова, но уже громко, отчетливо, протяжно. А вот и еще одна!.. Трофим встал, оглянулся. Улицу было не видно за шалашом, но Трофим ясно услышал какой-то шум, шелест травы, мягкий топот копыт по заросшей дороге. Трофим выбежал на улицу — и увидел, что в деревню входит стадо.

Впереди шла, покачивая головой, черная корова — рога ухватом, на ребрах клоки бурой, невылинявшей шерсти. За ней, теснясь и толкаясь боками, медленно и тяжело шли коровы и телки — желтые, пестрые, темнорыжие... Безрогая телочка в белых чулках, пожелтевших и запачканных, все оглядывалась по сторонам, отставала, а потом, словно пугаясь, забивалась в самую середину стада... И вместе с легкой пылью, поднятой копытами, вместе с ревом и мычаньем поплыл над деревней теплый коровий запах...

Трофим не сразу сообразил, чьи это такие исхудалые и запыленные коровы вошли в деревню, и замычали, и заревели на все голоса.

— Дом почуяли, — сказал какой-то мужик, почерневший от загара и заросший бородой. Он шел мимо Трофима, рубаха его была шибко потрепана, одежонка перекинута через плечо, а через другое плечо и через грудь был намотан у него длинный кнут.

«Пастух... — догадался Трофим. — Чей это?»

Но тут перед шалашом остановилась рыжая с белой головой корова и промычала нежно, негромко и каким-то очень знакомым голосом.

— Рыжонка! — вдруг закричал Трофим. — Ой, наша Рыжонка пришла! Наше стадо пришло!

И, не помня себя, Трофим помчался на луг, где бабы ворошили сено.

Он бежал по лугу и кричал:

— Дядя Ефим стадо пригнал! Коровы домой пришли! Наши коровы домой пришли!..

Побросав грабли, бабы сбежались к Трофиму. Все они были красивые от загара, осунувшиеся от усталости, но оживленные, обрадованные, с заблестевшими глазами.

Нетерпеливые вопросы со всех сторон посыпались на Трофима:

— Сынок, а моя черная пришла?

— Все пришли или немного?

— А мою комолую не видел, пеструю, безрогую такую?

— А симменталки наши вернулись?

— А телочка там белоногая не бежала?

— А Буян пришел?

Трофим ничего не мог сказать. Он не разглядывал коров. Он и дядю Ефима-то не узнал — такой он стал черный да бородастый.

Молоденькая доярка Паня, Фебина сестра, всплескивала руками и все повторяла:

— А я слышу — вроде коровы ревут! Ой, батюшки! Я слышу — вроде коровы! Да так сама себе не верю! Посмотреть бы, моих пригнал или нет!

А подруга ее, Шурка Донцова, дергала за рукав тетю Настасью:

— Пусти сбежать, а? Пусти сбежать!

Трофим оглядывался кругом, отыскивая мать.

— Она в лесу сено стогует, — сказала ему тетка Федосья. — Не бегай, это далеко, в Сече!

Но Трофим знал дорогу в Сечу. Да и как это он не побежит к матери и не скажет ей, что белоголовая Рыжонка домой пришла, что она остановилась возле шалаша и замычала — свое место почуяла, а что дядю Ефима он не узнал, думал: чей это мужик оборванный, обтрепанный да почернелый такой идет по деревне?

Трофим бежал по лесной тропочке, мимо скошенных и убранных полянок. Эти полянки были словно светлые зеленые горенки, уставленные по стенам молодым ельником, березками

и высокими пушистыми цветами таволги, от которой пахнет медом.

Еще издали услышал Трофим голоса ребят. Что-то кричали, спорили. А потом вдруг засмеялись все сразу, да так дружно, что и Трофима смех пробрал. Он прибавил ходу и выскочил на широкую, затопленную солнцем поляну. В зеленой тени, под большими елками, на высоком стогу гнездились двое — Ромашка и Стенька; они, видно, укладывали стог, вершили его. А внизу, под стогом, барахтались Женька и Козлик. Смех одолевал их, и они не могли встать. Груня и Раиса стояли, подпираясь граблями, и тоже смеялись.

— Он хотел Козлика спихнуть! — кричала сверху Стенька. — Он хотел Козлика!.. А сам оступился! Ногами по воздуху, как мельница, завертел!..

Женька встал, отряхнулся и увидел Трофима.

— Вот и белый гриб пришел!

— Ты зачем пришел? — крикнула Стенька. — А дома кто?

— Стадо пригнали, — сказал Трофим.

Сразу забыли и про Женьку и про Козлика. Стадо пригнали! Коровы домой пришли!

Стенька словно с горы скатилась со стога.

— А наша?

Но Трофим не стал больше разговаривать. Он увидел свою мать, которая выгребала из-под кустов траву и расстилала ее на солнышке.

— Мам! — крикнул Трофим. — Наша Рыжонка домой пришла!

Мать даже охапку выпустила из рук.

— Да ну? Да неужто правда?

И плачущим от радости голосом закричала куда-то в кусты:

— Бабы! Бабоньки! Коровы домой пришли!

Бабы не знали, что делать. Сердце разрывалось: и домой броситься бы опрометью — и работу оставить нельзя!

— А давайте-ка управимся поскорее, — сказала Грунина мать. — Поскорей управимся — да домой!

Вот уж тут зашумело сено по лесу, замелькали грабли, поле-

тели охапки на стога. Уж очень хотелось поскорее узнать, все ли коровы пришли — и свои и колхозные, дорогие светложелтые симменталки, хотелось поскорее приласкать их, приветить...

Когда наконец собрались домой, через поляны уже легли густые зеленые тени. Трофим взял у матери грабли и, наверстывая свое, поскакал на них верхом. Давно уже он так не веселился — его лошадь брыкалась, становилась на дыбы, а он охлестывал ее веткой орешины, часто попадая себе по босым ногам. Вдруг мать окликнула его:

— Трофим! А отца-то ты с кем оставил?

И тут же Трофимова веселость пропала. Он отца ни с кем не оставил и даже забыл ему сказать, что уходит от него. Не отвечая матери, Трофим молча умчался вперед. Бедный слепой отец, как он там один, без Трофима? Не случилось ли с ним какой беды?

16. ЧТО ДЕЛАТЬ ДЯДЕ ЕГОРУ?

А с Трофимовым отцом и правда случилась беда. Он проснулся, позвал Трофима. Трофим ему не ответил.

Вдали он слышал голоса, кто-то громко и оживленно разговаривал, мычали коровы, какое-то движение слышалось в деревне, но ничего не мог понять. Очень хотелось пить, и он ощупью пошел под навес, где всегда стояло ведро с водой. Ощупью, с палочкой, он добрался до ведра, напился. А когда пошел из-под навеса, споткнулся на какой-то чурак, упал и ободрал об сучок руку. Так и сидел один до вечера, зажимая кровь рукавом, пока она не засохла.

Мать испугалась, увидев кровь.

— Егор! Что случилось?

— Да ничего. Поцарапался.

— А ну, покажи! Дай-ка я тебе завяжу. А ты слышал? Корова наша пришла.

— Слышал. Трофим сейчас был здесь, сказал.

— Только Буйан не вернулся. Вишь, заболел в пути, прирезать пришлось. Жалко, хороший был бык. Да две телочки пропали... А так все пришли... Рыжонка меня все нюхала, нюхала, а потом как лизнет... — У нее дрогнул голос. — Как лизнет прямо в лицо! Узнала!.. Ах ты, матушка моя!.. Да что ж ты, Егор, сидишь, голову повесил? Хоть бы порадовался с нами!

Но дядя Егор махнул рукой и прохрипел:

— Что мне радоваться? Сижу, как чурбан, целыми днями, один шаг ступить не могу. Радоваться! Живу, только людям мешаю!

Вечером, когда все утомонились на деревне, Трофимова мать пришла к Груниной матери. Груня чистила картошку на ужин и слышала разговор.

— Что делать с Егором? Посоветуй! — сказала мать Трофима. — Горюет, скучает шибко.

— Да ведь заскучаешь! — ответила Грунина мать. — От всего мира отрезанный. Дело ему найти надо. Работу какую-нибудь.

— А что слепой сделает?

— А вот подумать надо... Подожди, я к нему своего мужика пошлю.

— Да я его сама к твоему мужику направлю. Может, решат что-нибудь.

Дядя Егор и председатель встретились посреди улицы. Трофим держал отца за руку.

— Это ты, Касаткин?

— Я, Егор. Ко мне, что ли?

— К тебе. Давай поговорим. Просьба у меня...

Они все втроем уселись на бревне.

— Вот какое дело-то, Касаткин. Не могу я больше без пользы колхозный хлеб есть. Не могу, совесть мне не позволяет... Не найдется ли мне какой работы?

— Ну что ж! Раз совесть не позволяет, берись за дело. Я уж о тебе думал. А работы — как же нет? Работы сколько хочешь! Корзинки умеешь плести?

— Да плел когда-то. Только бы прутьев нарезать — сплету, небось.

— Корзинки нужны. Крошни. А прежде всего веревки нужны... Ты веревки вил когда-нибудь?

— Не вил. Но попробовать можно. Люди вяют — может, и я совью.

— Веревки нужны, вожжи, супони... Лошадей у нас теперь прибавилось — двух из Шатилова прислали да двух из Корешков. Сбруя нужна. Тяжи нужны... А рук нехватает. Вот бы ты нас выручил!

Дядя Егор заметно оживился, приподнял голову, и даже лицо его как-то посветлело.

— Сделаю. Присылай льну.

— Ну вот и ладно. А насчет прутьев — не беспокойся. У нас в колхозе расторопная бригада есть. Скажу бригадиру — так они тебе целый воз прутьев нарежут!

С этого дня у Груни появилась еще одна забота — резать ивовые прутья и таскать их дяде Егору.

За прутьями они пошли в пасмурный день, когда сено разваливать было нельзя.

Груня и Стенька резали вдвоем — одна держала, другая подсекала ножом. Они лазили в гущу лозняка, с веток им на голову падали крупные холодные капли и проскальзывали за ворот.

Ромашка резал один, в стороне, — резал молча, усердно. Он всегда был молчалив и усерден в работе. А Женька балагурил.

Он кричал, что нашел гнездо с птицей, а никакого гнезда не было. Тогда он уверял, что птица только что улетела и гнездо унесла с собой.

Груня слушала его болтовню, молча собирала прутья, связывала их вязанкой и чуть-чуть улыбалась — ох, уж и болтун этот Женька!

У нее было очень хорошо на душе. Сегодня с утра на их усадьбе заложили первый венец стройки...

17. ПАСМУРНЫЙ ДЕНЕК

Груня рано улеглась спать. На улице было сыро и темно. Она спала на сене в сараюшке, который пристроил дядя Сергей к их жилью. Эта постройка была из кольев и прутьев, а крыша — из еловых веток. Дождь шумел в густой хвое, будто нашептывал что-то... И под этот шопот сами собой смыкались ресницы и набегали теплые сны... Вот идет Груня по дороге, стоят по сторонам высокие малиновые травы и шумят. А где-то далеко слышен голос матери:

— Все льет и льет... Надо бы подождать косить... Трава погниет...

— Пожалуй, завтра народ в лес направляю... — Это отец говорит.

А где они? Голоса все дальше, дальше. А травы шумят, позванивают.

Шумно вздохнула под навесом корова и ударила обо что-то рогом. Легкие сны сразу разлетелись. И голос дяди Сергея, совсем близкий за плетеной стеной, негромко произнес:

— Там у овражка я елку заприметил. Ветром повалило. Аж на ту сторону перекинулась... Как мост над овражком. Вот бы осилить!

— Позови Настасью Звонкову — поможет.

Все затихло. Корова мерно жевала жвачку. Груня поцарапала стенку и шепнула в щелочку:

— Дядя Сергей... ты спишь?

— Сплю.

— Спишь, а разговариваешь?

— А ты чего скребешься?

— Дядя Сергей, я завтра с тобой в лес поеду. Мне хочется эту елку поглядеть... Я тебе помогать буду, сучья буду собирать, лошадь держать буду... Мне хочется эту елку поглядеть, как она — будто мост... Дядя Сергей, ладно?

Ответом был только глубокий сонный вздох.

«Все равно поеду, — подумала Груня и поглубже забилась в сено. — Только бы дождик перестал немножко...»

К утру дождь перестал. Сразу после завтрака дядя Сергей стал запрягать серого корешковского мерина в роспуски. Груня живо оделась в старую материну одежку.

— Ты куда это? — спросил дядя Сергей. — Уж не в лес ли?

— В лес!

Дядя Сергей крикнул, затягивая супонь.

— Тугой хомут... А на чем поедешь?

— С тобой.

— На колесе?

— Да я уж примощусь!

— Ну, мостись.

Дядя Сергей положил дощечку на роспуски, и Груня примостилась сзади. Мерин пошел крупной рысью. Серые комья полетели из-под копыт. Груня пригнулась.

— Эй ты, Серый! Не кидайся!

Но комки и брызги летели над головой, стучали по платку, по спине. Дяде Сергею тоже попадало. Он вытирал лицо ладонью и понукал:

— Но, но, не бойсь! Давай, давай!

Ехали полем. Воздух был влажный и теплый, от земли поднимался пар, сквозь облака мягко просеивалось солнце, и шмели гудели над сладко цветущим клевером.

Колеса мягко вкатились на лесную дорогу. А потом запрыгали по корням и заныряли по ухабам. Комки больше не летели из-под копыт — в лесу Серый шагал медленно и осторожно, разглядывая дорогу.

Груня смотрела по сторонам. Лес то подступал к самой дороге, то отходил, открывая полянки, на которых нежно синели высокие цветы дикого цикория. А под елками на тоненьких невидимых стебельках поднимались тройные листики кислички. И этих тройчаток было так много, что казалось, легкое рябое покрывало стелется и дрожит над самой землей.

Где-то недалеко послышались голоса. Вдруг затрещало, зашумело в древесных вершинах и сразу стихло. Груня поняла — повалили дерево.

— Наши?

— Да.

Впереди густо зазеленел овражек, набитый зарослями калины и бузины.

И Груня увидела елку, поваленную бурей. Она лежала, прямая и ровная, уткнувшись головой в малинник, а ее корневище вывернулось и поднялось над землей, словно огромная ступня.

Дядя Сергей остановил лошадь.

Кто-то мелькнул среди деревьев. Кто-то тащил охапку больших еловых сучьев с побуревшей хвоей, которая волочилась по земле.

— Ромашка! — крикнул дядя Сергей, бросая вожжи на спину лошади. — Эй!

— Эй!

Груня обрадовалась. И правда — Ромашка!

— Ступай скажи матери, что я приехал!

— Сейчас!

Сучья прошумели, и Ромашка исчез. Дядя Сергей достал топор. У Груни над головой запиныкала синичка.

Груня похлопала рукой по стволу лежащей елки.

— Дядя Сергей, а мне что делать?

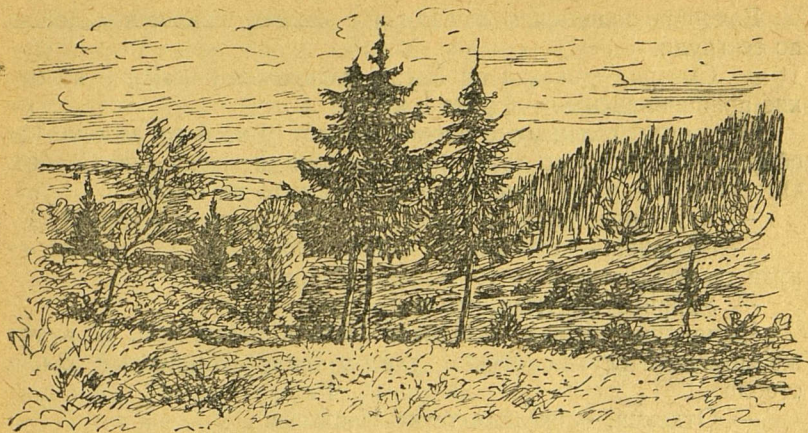
— А вот сейчас будешь сучья подбирать да таскать в кучку.

Дядя Сергей ловкими, точными ударами срубал сучья. Коротко звякал топор, и сук с одного удара падал на землю. Груня обжигалась о крапиву, брала их по два, по три подмышку, волокла наверх из овражка и складывала в кучку. Сучья дыбились, топорщились и все так и норовили то пырнуть сучком Груню, то оцарапать ее жесткой хвоей.

По мягкому моху неслышно подошла тетка Настасья, Ромашкина мать; протяжно прозвенела пила, которой задела она за дерево.

— Давай корень отрежем, — сказал дядя Сергей.

Тетка Настасья молча подняла и поставила пилу на ствол елки. Дядя Сергей принял рукоятку, и пила сначала коротко махнула по стволу раз, другой, словно пробуя голос, а потом загудела ровно, плавно, ритмично. Не глядя, можно было знать,

что пилят двое сильных, умелых людей, у которых даже самая тяжелая работа в руках поет.

Они работали молча. Лишь иногда бросали друг другу короткие, отрывистые фразы:

— Сергей, спина-то не болит?

— Ничего, потерпим.

— Может, отдохнешь?

— Распилим — отдохнем.

Груня не спеша перетаскала сучья. Потом подошла к Серому. Лошадь мотала головой и била ногами.

— Что, слепни заели?

Груня сломила густую осиновую ветку и принялась размахивать ею, отгоняя слепней.

— Что же ты только их гоняешь? Ты их бей!

Груня живо обернулась. Из осинника вышел Ромашка. Он был в отцовском пиджаке, карманы висели где-то возле колен, а рукава были завернуты. Мокрая кепка была сдвинута на затылок, и над крупным лбом торчали потемневшие от влаги вихры.

Ромашка подошел к лошади и с размаху хлопнул ладонью по ее груди.

— Смотри, — сказал он Груне, раскрывая ладонь, — во какие припаявились — вся рука в крови!

Огромные, головастые слепни лежали у него на ладони. Он сбросил их, вытер об траву руку, но уже не отошел от Серого. Он хлопал его то по брюху, то по ногам, то по груди.

— У-у, кровопийцы!.. Гудят, как мессершмитты какие!

— Ромашка, — взмахивая хворостиной, кричала Груня, — куда ты под самые ноги-то лезешь? Ударит ведь!

— Ударит! Дурак он, что ли?

Чаще-чаще запела, зазвенела пила и примолкла. И в тот же момент с глухим стуком упал в траву отпиленный конец ствола.

— Отдохни, — сказала тетка Настасья.

— Надо, — улыбнулся дядя Сергей и сверкнул зубами. — Порченый конь шибко не бежит!

Он сел на пенек и стал свертывать цыгарку. Тетка Настасья взяла топор и принялась счищать с бревен жесткую лиловато-серую кору. Свежий срез, светлый и круглый, глядел сквозь зелень, как луна.

— Во какую распилили! — сказала Груня.

Она присела недалеко от дяди Сергея и уставилась на него, встревоженная своими мыслями.

— Дядя Сергей, а что мне подумалось...

— Что же?

— Дядя Сергей... Вот мы землю копаем... Лес возим... Строимся... А ведь война-то еще не кончилась?

— Ну и что?

— Ну, а вдруг немец обратно придет?

У дяди Сергея слегка сдвинулись брови.

— Никогда!

Дядя старательно притушил окурок, встал и, разминая больное плечо, снова взялся за пилу.

— Что ж я сижу? — спохватилась Груня. — Хоть щепок набрать!

Из лесу шли пешком. Серый, покачивая головой, крепко опираясь ногами, тащил тяжелые бревна. Солнце прорывалось сквозь поредевшие облака, падало желтыми пятнами на ухабистую дорогу, на жесткую лесную траву, — там острым огоньком вспыхнула росинка на листке, там засветилась янтарная головка бубенчика... Груня шла с охапкой щепок в фартуке, напевала что-то и весело поглядывала кругом.

18. ГОСТЬ С МЕДАЛЯМИ

Груня проснулась на рассвете. Пастух хлопнул кнутом против дома, словно из ружья выстрелил.

И тут же услышала разговор — мать разговаривала с соседкой Федосьей.

— У Цветковых парень пришел.

— Виктор?

— Виктор. Сегодня ночью пришел. Сейчас я корову выгоняла — Аннушку видела. Говорит, с медалями.

— Совсем или как?

— Ну, какое «совсем»! Еще война не кончена — как же совсем-то отпустят? Это уж если ранен тяжело, как вот наш Сергей. А этого — либо в отпуск, либо после болезни отдохнуть послали...

— Счастье людям! — вздохнула Федосья. — И живы... и в медалях... А мой лежит где-то в сырой земле — и могилки нету! А тут приходят, руки-ноги целы, да еще с медалями...

— А что же, тебе легче было бы, если бы этот тоже без рук или без ног пришел? — упрекнула ее мать. — Да тут только радоваться надо — пусть хоть кому-нибудь счастье. Да побольше, побольше бы этого счастья! А горя-то мы все и так уж хлебнули — не знаешь, как и сердце вынесло!

Груня открыла глаза. В стенах сараюшки светились лазоревые щели.

«Раисин брат пришел, — сообразила она. — Вот теперь бу-

дет Раиса задаваться! Теперь ее и вовсе на работу не пошлешь... А интересно поглядеть, какой он теперь стал, Виктор-то?»

Ласточка повторяла свою милую однообразную песенку. Сквозь щели тянуло свежестью. Рано еще... Груня получше закуталась в свое лоскутное одеяло и закрыла глаза.

Проснулась она лишь к завтраку: Стенька будила ее.

— Груня! Грунька! У Цветковых Виктор приехал!

— Вот так новость! — ответила Груня, не открывая глаз. — Я эту новость давно знаю.

— Откуда?

— Во сне видела.

После завтрака отец сказал Груне:

— Ты сегодня свою бригаду веди на луг. Там сено легкое, да и немного его — убирайте одни. А большая бригада пойдет на клевер.

Груня пошла собирать ребятишек. Ромашка и Федя уже стояли среди деревни с граблями.

Анюта и Поля Полянка тоже приволокли грабли. Их от пастиухи освободили — теперь в деревню вернулись настоящие пастухи.

Трофим тоже пришел. Отец был занят — он вил веревки, и Трофим ему был не нужен.

Вскоре пришел и Женька.

— Ребята, а Раису-то звать или нет? — нерешительно сказала Груня.

— Отчего же не звать? — удивился Ромашка. — Если брат приехал, так и работать не надо? Давай хоть я за ней пойду!

— Да давай хоть и я! — сказал Женька.

— Грунь, давай я сбегаю? — подскочил Козлик. — Я живо!

А Трофим глядел молча: кто пойдет Раису звать, за тем и он увяжется.

— А что это вам всем сегодня Раиса очень понадобилась? — сказала Стенька.

А Груня засмеялась.

— Ой, ребята! Ну и чудачки! Не Раиса им понадобилась — им уж очень хочется Виктора поглядеть. Да не торопитесь, уви-

дите. Авось прятаться в кузне от вас не будет — выйдет на улицу!

И тут же, словно подслушав Грунины слова, в низеньких раскрытых дверях кузни появилась фигура военного.

Молодой сержант Виктор вышел на улицу и огляделся кругом. Солнце золотом и серебром зажглось в медалях, мягко засветилось в начищенных сапогах.

Ребята притихли — вот так Виктор Цветков, какой важный стал!

А Виктор мерным шагом подошел к ним.

— Здорово, братва!

— Здравствуй!..

— Чего стоите с граблями? Кого ждете?

Ребята, переглянувшись, молчали. Груня покраснела.

А Виктор смотрел на них, еле сдерживая улыбку на пухлых губах.

— Вот так работнички! И этот тоже с граблями. Как тебя зовут, беляк?

— Трофим.

— А! Егоров сынок! А эти две пичужки чьи? Подросли за войну — никого не узнаешь!

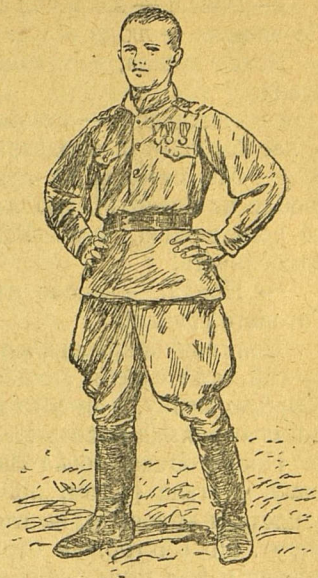
— Это Анюта Дарьина. А это Полянка, Миронова внучка.

— И все на работу собрались? Ну молодцы, ребята!

Виктор, не вынимая рук из карманов, нагигбался к маленьким, смеялся, а медали тонко позванивали на его темнозеленой гимнастерке.

— Так кого же вы ждете? А?

— Вашу Раису ждем, — вдруг решившись, сказал Ромашка. — Всегда канителится.

— Раиса! — закричал Виктор. — Ну, ты что ж там сидишь? Не видишь — люди ждут?

Раиса вышла, не спеша взяла грабли, прислоненные к стене кузни.

— Нехорошо, — сказал Виктор, — очень даже плохо. У нас бы тебе за опоздание живо наряд дали.

— Мы сегодня на луг, ребята, — сказала Груня, поднимая грабли на плечо. И, уходя, улыбнулась Виктору, словно это был ее родственник, а не Раисин: — Приходите к нам на луг — покосничать!

— Приду! — весело ответил Виктор. — Обязательно приду! Готовьте грабли!

Дня два покрасовался по деревне молодой сержант, а на третий снял с себя гимнастерку с медалями, вместо нее надел голубую майку, а вместо начищенных сапог — тапочки и пошел с колхозниками косить клевер.

После обеда, когда Виктор отбивал косу, Раиса подошла к нему и стала рядом, прислонившись к березе. Она медленно заплетала волосы и, не глядя на Виктора, ждала, когда он заговорит. Но Виктор, не отрываясь, стучал молотком по краешку лезвия и был этим очень занят.

— Зачем-то гимнастерку с медалями снял, — не глядя на брата, сказала Раиса, — зачем-то косить пошел!

Виктор быстро взглянул на нее.

— Это про кого?

И опять застучал по косе. Раиса вытащила из кармана узенькую синюю ленточку и сердито встряхнула ее.

— Как будто он колхозник! Не пойдешь косить — так никто тебя и не заставит. Не имеют права.

Виктор легонько потрогал большим пальцем сверкнувшее на солнце лезвие.

— А я сам себя заставляю! Вот ты и то работать ходишь, а я буду дома сидеть?

— А я захочу и не пойду, — проворчала Раиса. Но так тихо, что Виктор ее не расслышал.

И когда он ушел, продолжала:

— Сам себя заставляет! Вот чудной у нас Виктор. Если бы ко мне Грунька не привязывалась, я бы ни за что на работу не пошла. Пошла бы на луг за столбцами, искупалась бы... С маленькими ребяташками поиграла бы. Они смешные: что скажешь — верят, куда пошлешь — всюду бегут... Смешные! Ну, а потом повязала бы кружева... Ах, хорошо бы кружева связать, но крючка нет и ниток нет... Были бы у меня нитки и крючок — вот бы я сколько кружев навязала! Но вот в поле на работу ходить — ой, да никогда не стала бы!

19. РАЙСЕ СОВЕСТНО

Недолго пробыл Виктор в Городище — его отпустили всего на десять дней. Но за это недолгое время Виктор успел подружиться с городищенскими ребяташками. В первый же свободный вечер, когда еще стояла заря и уже засветились первые звезды, он пришел к двум подружкам — Груне и Стеньке — на бревнышко под сиренью.

— Ну, братва, как работали?

— Ничего... — сдержанно ответила Груня.

Груня сидела, опустив глаза, а Стенька хихикала и пряталась за ее плечо.

— Небось, грабли бросили, а сами за ягодами?

— Да, как же... А сено убирать кто будет?

— Ба! А вам-то что? Ваше дело — в куклы играть!

— Да, как же!.. А скотину чем кормить? Тогда и коровы подохнут...

— Ну и пусть!

Груня сердито подняла голову. Но, взглянув на Виктора, поняла, что он шутит, дразнит ее, и они оба засмеялись.

Женька увидел, что Виктор сидит с девочками, и тут же присоседился к ним. Откуда-то взялся Козлик. Потом пришел и Ромашка. Райса тоже хватилась брата, прибежала, оттеснила Груню и села в середочку между ней и Виктором.

Женька стеснялся недолго.

— Ты гвардеец?

— Гвардеец. А ты почему знаешь?

— Как почему? А значок-то?

— Молодец. Понимаешь.

— А медаль у тебя за что?

— За отвагу. За то, что когда немец на меня пикировал, я от своего орудия не отошел. Он в меня бомбы бросал, а я в него стрелял. Одного сшиб. Другого сшиб. А третий притрафился — и в мою батарею. Как бахнул — так вся батарея и разлетелась. И я сам на воздух поднялся — думал, конец. Да вот отлежался в госпитале, ничего. Поеду скоро опять добивать фашистов!

И едва Виктор умолк, на него, как горох, посыпались вопросы:

— А как же ты взлетел-то?

— А шибко тебя об землю ударило?

— Сам встал или потащили тебя?

— А страшно было?

И Виктор не отмахнулся, как дядя Сергей. Он рассказывал долго, подробно...

Когда завывала над головой бомба, он уж знал, что ударит сейчас в его расчет.

Это была страшная минута. Но он все-таки стоял у орудия и стрелял, и его ребята стреляли. Когда бомба ударила, его вдруг подхватило, перекинуло через орудие и швырнуло на землю... И показалось ему, что у него нет ног — совсем он их не чувствовал... Приподнялся на руках; хоть и нет ног, а отползать надо. И потащился на руках... Поташился сколько мог, да и упал. Тут подбежал санитар:

— Где больно? Куда ударило?

— Не знаю. Посмотри ноги...

Ну, оказалось, ничего. Цел остался. Ноги только онемели. Полежал в госпитале — отошел...

Долго сидели ребятишки, пока не вышла Грунина мать и не позвала ее домой. Тут и Виктор спохватился:

- Ну, я пойду к девчатам, а вы — марш по домам!
- А завтра еще придешь?
- Обязательно!

И когда он, насвистывая песенку, ушел к девушкам на канавку под березами, ребятам казалось, что он от них и не уезжал никогда — свой, городищенский, Виктор Цветков.

Они вспомнили, как Виктор бывало водил лошадей в ночное, как он однажды разогнал жеребца, да и слетел с него среди деревни. Девчонки тогда совсем его засмеяли!

Вспомнили, как с черной клеенчатой сумкой бегал Витька Цветков в школу... А потом ушел учиться в район, в десятилетку... Тут уж его стали редко видеть, только по воскресеньям. Пробежит по деревне на лыжах — и нет его. Но лишь растает бывало снег, лишь обсохнет земля — в первый же праздник с утра появляется Виктор на зеленом выгоне с футбольным мячом. И вот уж тогда крик стоит, вот уж бой идет на выгон! Азартная команда была!..

И вспомнили всех городищенских ребят, ушедших на войну: Кольку Миронова, убитого под Ржевом, старшего Ромашкина брата Ваню, пропавшего без вести, кудрявого Ганю Горелкина, Ваську Жучка, плясуна и забяку, Павлика Лукошкина, румяного и тихого, как самая тихая девушка... Все они на разных фронтах. Дерутся, бьют немца. Изредка то от одного, то от другого залетает в Городище письмецо.

А Виктор, уходя от ребятишек, и сам как-то неясно понимал, где его товарищи: там ли, под березами, или тут, на бревнышке. Ему показалось, что совсем недавно он сам был вот такой же загорелый парнишка в подсученных штанах, с вихром на макушке.

Виктор часто рассказывал ребятам о войне. О тяжелых боях, о ночевках в снегу, о трудных переходах в весеннюю распутицу, о погибших товарищах, об отступлении и победах.

Рассказал им, как он подорвал два танка у генерала Гудериана. А потом прямо под носом у немцев, замаскированный, пробрался к мосту и взорвал его. Немцы к реке подходят, а мост кверху летит!

Ребята слушали, не сводя с него глаз. Особенно Женька. Военная слава Виктора ошеломляла его.

— Виктор, а воевать страшно?

— Наверное, страшно. Не знаю. Когда бой идет, об этом не думаешь.

— Эх, мне бы пушку! Самую большую бы!

— А почему большую? Ловчее под нее прятаться?

— О, я бы не прятался! Я бы им бабахнул как следует. Вот здорово такая бьет, наверно, а?

— А «катюшу» не хочешь?

У Женьки даже дух захватило.

— О! Кабы мне «катюшу» дали — я бы их засыпал! День и ночь палил бы!

Раиса гордилась. И так важно держалась, будто не Виктор, а она подбила Гудериановы танки, будто не Виктор, а она стояла у зенитного орудия под вражеским огнем.

И когда Груня звала ее на работу, она не упускала случая, чтобы сказать:

— А что ты хозяйничаешь? Что твой отец председатель? Подумаешь! А мой брат Гудериана победил!

Виктор не обманул ребят — пришел к ним на покос. Было очень жарко, всех разморило, сено было душное и тяжелое — долговязая лесная трава. Но когда увидели, что идет к ним Виктор со своими большими граблями, то сразу подбодрились. Ожили, загомонили, как птичий выводок.

— А ну-ка, дай я охачку наберу!

Виктор размахнулся граблями, чуть не целую скирдушку пригреб к ноге, поднял охачку выше головы и понес... Сразу четверть лужайки опустело.

— Вот так охачочка! — засмеялась Стенька и присела от смеха. — Вот так охачочка!

— Скорей вал заваливайте, — кричала Груня, торопливо работая граблями, — скорей! А то Виктору набирать нечего!

Ребята все сразу со смехом бросились заваливать сено. А Виктор подошел, взмахнул граблями раз, другой, третий — и опять весь вал загреб и понес в скирдушку.

— Скорей! — снова закричала Груня.

И снова, толкаясь и смеясь, торопились заваливать...

Ребятишки раскраснелись, запыхались, волосы у них взмокли от пота, у Ромашки вихор так и торчал кверху — словно его корова со лба лизнула. Но зато сено убрали так быстро, что и сами удивились.

— Во как! Будто ветром подмело!

— А вы, как я погляжу, работать умеете, — сказал Виктор. — Ничего, проворные!

— А то как же! — отозвалась Стенька. — А то разве не умеем!

— Еще и не такие работы делали, — вытирая лицо подолом рубахи, прогудел Ромашка. — Мы весной поле под овес заступами вскапывали... А это что!.. Гулянки!..

— Заступами под овес, — задумчиво повторил Виктор, — да... Это, пожалуй, не легче, чем с немцами драться...

Карие глаза его вдруг стали ласковыми.

— Ах, ребятишки, — сказал он, — вы еще и не знаете, какие вы большие герои!

Раиса только фыркнула:

— Герои! С граблями да с лопатами!

Виктор посмотрел на нее неодобрительно:

— А ты думаешь, что герои только с винтовками да с пулеметами и бывают?.. Ну, а что ж тот овес — уродился? — спросил Виктор.

— А пойдемте посмотрим! — живо ответила ему Груня. — Поле недалеко!

Женька подскочил:

— Пойдемте! И то, давно на том поле не были!

— А что там смотреть? — лениво сказала Раиса. — Тащить туда!.. Ну, овес и овес — чего интересного?

— Тебе, конечно, смотреть неинтересно! — сказал Ромашка. — Ты поле не копала, так чего ж тебе на овес смотреть?

— Как это не копала? — задористо начала Раиса, но слегка покраснела и умолкла.

Виктор с удивлением поглядел на нее.

— Немного, — продолжала она, — но все-таки...

— Ну, пойдете, пойдете! — закричала Стенька. — А то скоро сено сгребать.

И все нестройной гурьбой пошли на поле.

Овес был недалеко, на бугре за деревней. Еще издали видно было, как блестит и переливается овсяное поле, как идут по этому полю медленные серебристые волны. А когда подошли ближе, овес встал перед ними густой синеватой стеной, и тяжелые чеканные кисти его, казалось, погромыхивали под ветром.

— Вот это овес! — закричал Женька. — Вот так богатырский овес! Это все потому, что я копал да разные слова приговаривал: «Уродись ты, овес, чтобы ты высокий рос, чтоб ты рос перерос, выше елок и берез!..» Вот он и вырос!

— Приговаривал! А что ж мы не слышали?

— А я шопотом!

— Вот теперь и лошади сыты будут, — негромко сказал Ромашка.

— А как руки болели тогда, — вспомнил Козлик, — даже плечи не разогнешь!

Виктор задумчиво поглядел на ребят, на каждого отдельно. И спросил как бы про себя:

— Болели?

— О, еще как! — тихо сказала Груня.

— «О, еще как!» — засмеялся Женька. — А все бывало не сознавалась!

Груня засмеялась тоже:

— А мне и нельзя сознаваться — я ведь бригадир!

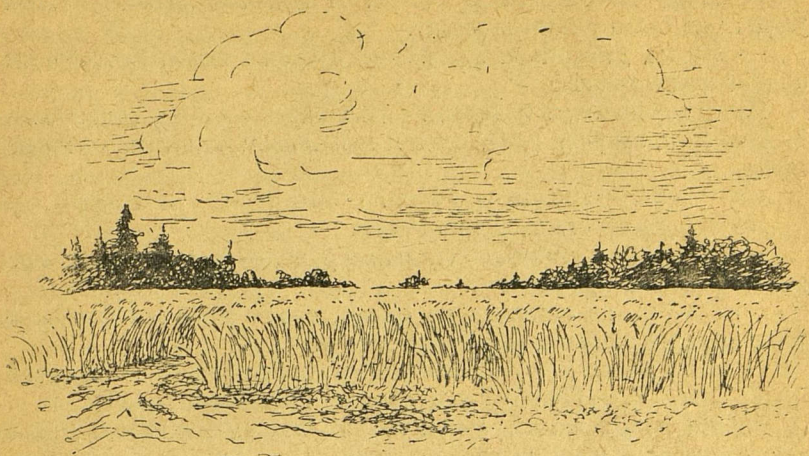
— Ты бригадир? — удивился Виктор. — Как же я до сих пор этого не знал? А ведь я думал, бригадир — Ромашка. Я даже и не спрашивал!

Виктор глядел на Груню и как-то еще не верил. Эта тихая тоненькая девочка несет такую трудную заботу и справляется.

— Но ведь ты же и сама работаешь?

— А как же! Я еще всех больше работать должна. Ведь на бригадира-то все смотрят!

— У вас, значит, и трудовые книжки есть?

— А как же! Конечно, есть. Вот они, со мной. — Груня лютенько хлопнула по своему туго набитому карману. — Я их всегда с собой ношу, чтобы тут же, в поле, записывать. А то забуду еще.

— А ну, покажи мне ваши книжки! — Виктор протянул к ней руку. — Покажи, покажи!

Раиса как-то встрепенулась, словно хотела встать между ним и Груней. Но Груня уже отколола булавку, которой был зашпилен карман, и подала Виктору стопочку маленьких учетных книжек.

— Вот. Все здесь!

Виктор не торопясь просмотрел книжки и особенно внимательно просмотрел Раисину книжку, всю перелистал. Раиса, отвернувшись, молча перебирала пальцами шуршащую овсяную кисть.

Виктор отдал книжки Груне:

— На, убери. Молодец, бригадир!

А потом повернулся к сестре. И никакой ласки, никакой улыбки не было у него в глазах.

— Эх ты, работница! Книжка-то пустая совсем. Хоть бы ты подруг постыдилась!

Раиса не подняла головы, не подняла глаз. Она покраснела до бровей и, закусив губу, резким движением обрывала овсяные зерна.

«Вот тебе! — подумала Груня. — Это тебе — за все!»

Но тут же ей стало жалко Раису.

— Вы ее не ругайте, — сказала Груня, — она теперь лучше работает... Она привыкает...

Но Виктор, не взглянув на Раису, сунул руки в карманы и пошел вперед по узенькой белой дорожке.

— Я бы на ее месте сквозь землю провалилась! — шепнула Груне Стенька. — Прямо сквозь землю провалилась бы!

Ребята в молчании гуськом потянулись за Виктором. Раиса шла сзади всех и ни на кого не глядела.

20. МЕЧТЫ

Проходили дни, неудержимые, яркие летние дни: солнечные, залитые жарой, полные движения и работы, и тихие, пасмурные, когда отдыхали руки, но осаждали заботы о намокнувшем сене, о созревающем урожае. А урожай уже стоял у ворот, могучий, веселый и грозный. Хватит ли рук убрать рожь, успеют ли за погоду ухватить яровые, не застигнет ли мороз картошку в поле?

Рук мало, лошадей мало, машин нет — ни жатки, ни веялки.

Но глаза страшат, а руки делают. Хоть и охал от дум по ночам Грунин отец, однако дела шли своим чередом. Побелела рожь — весь колхоз ушел на жниво. Что дорожке хлеба в крестьянском хозяйстве!

А сено оставили на ребяташек. Уж не маленькие, грабли в руках держать умеют — уберут, насколько сил хватит!

И ребяташки убирали. Даже небольшие стожки сами складывали. Рано узнали они, как болят руки и плечи после тяжелых охапок, как от граблей больно вздуваются и лопаются пузыри на ладонях... И ссорились они на работе, и мирились, и пели, и радовались... А иногда и плакали от какой-нибудь беды. Напорет кто-нибудь ногу на вилы, или неустойчивый стог ветром опрокинет, или на пчелу наступит какой-нибудь человек — вот и беда!

А главное — крепко дружили. И ни ссоры, ни драки не вредили этой бесхитростной ребячьей дружбе.

Виктора проводили. Он уехал на девятый день — торопился дognать свою часть. Мать плакала, не пускала его:

— Куда ты! Ведь начальники велели тебе отдохнуть — ну и отдохни!

— Я уж отдохнул, мать! — отвечал Виктор. — Отдохнул. Все! Не могу больше. Люди воюют, а я, здоровый бугай, буду дома сидеть?

Дед Мирон утешал тетку Анну:

— Чем скорей немца прикончат, тем скорей домой вернется!

— Вернется ли? — плакала тетка Анна.

— Вернись, мать, вернись! — отвечал Виктор. — И чего ты плачешь? Что ж, по-твоему, мне за горном в кузне схорониться да сидеть, пока мои товарищи немца бьют?

— Да я не говорю! Кто ж это говорит — схорониться!

Виктор много не разговаривал. Собрал свою котомку, обнял мать, простился с колхозниками и пошел. В этот день он был не такой румяный, как всегда, и улыбки не было на пухлых губах. Уходя, он в последний раз оглянулся на свою мать. Она, обливаясь неудержимыми слезами, неподвижно глядела ему вслед. Он понимал: мать не может не плакать, когда сын уходит из дома, может быть, навсегда.

Ребяташки провожали Виктора до самого шоссе, до того места, где когда-то весной, в грязь и холод, сгружали картошку с машины. Всем было грустно.

— Вы там поскорее с немцем-то! — говорил Женька. — Разбивайте его дотла!

— Разобьем, конечно, — отвечал Виктор. — Вы посмотрите, что делается, ребята! На Брянском фронте наши наступают. Слышали? Упорные наступательные бои! Отборные части немецкой армии разгромлены! Орел взят... Белгород взят... А вы говорите! Уж теперь погнали, так назад не пустим!

— Напиши нам письмо, — попросила Груня.

— Обязательно напиши! — твердо сказал Ромашка.

— Обязательно напишу, ребята! Ну, давайте прощаться. Машина!

По шоссе шла грузовая машина. Виктор поднял руку, машина остановилась. Он живо влез в кузов, помахал рукой:

— До будущего года!

И умчался.

Ребята стояли и глядели вслед до тех пор, пока не улеглась пыль на шоссе. А потом, примолкшие, пошли домой.

Раиса плакала. Груне тоже очень хотелось заплакать, в серых глазах ее так и бегали слезинки.

— Давайте, будто мы танкисты, — сказал тогда Женька, — и будто мы едем в танках на фронт! Р-р-р... Смирно!.. Внимание! Враг перед нами!

И все зашумели, будто танки. Палили по врагу из пушек, строчили из пулеметов. И не заметили, как снова смех и веселье вернулись к ним.

День за днем проходил август, красивый, богатый месяц. Кое-где на березах замелькала желтизна, будто солнечные брызги застряли в темной зелени. Уже подрывали понемногу молодую картошку на огородах, уже приносила мать к завтраку и к обеду пучки зеленого лука с грядки и выкладывала из фартука на стол только что собранные, еще мокрые от росы огурцы...

В полях, тихих и жарких, больше не пели жаворонки. Только ходил ветерок по яровым и озимым хлебам да солнце старательно пригревало и золотило колосья. Овес был еще зеленый, почти синий к корню, но кудрявые головки его уже по-

светлели и начали желтеть... А рожь стояла вся светлая, вся желтая и клонилась книзу и шуршала сухим, жестким колосом...

На десятый день августа Груня сказала своей бригаде:

— Ребята! Сегодня сено — последочки. Уберем — и все! А завтра — в поле, снопы подтаскивать.

Сено пыльным серо-зеленым лоскутом лежало на лужайке. Груня первая шла в ряду — подхватывала граблями легкие клоки и перебрасывала на другую сторону. За ней шла Стенька. За Стенькой — Раиса. А уж дальше начинался мальчишеский ряд. Ромашка шел последним и ворчал, что ему с граблями повернуться негде, что ему просто ходу не дают.

Зато, когда поворачивали обратно, первым оказывался Ромашка. И тут уж он, раскрасневшись, как клюква, из сил выбивался, чтобы обогнать ребят, и уходил от них вперед шагов на пять.

— Я вас попарю! — бурчал он. — Работать, так работать!

Пока сохло поворошенное сено, ребята уселись и улеглись отдыхать в холодке, под большой старой березой, которая одиноко стояла на краю лужайки. Тянуло ветерком, чуть-чуть играли над головой мелкие березовые листья. Груня сидела, прислонившись к стволу, и глядела на светложелтую дранковую крышу тетки Дарьиной избы, которая уже поднялась над палисадником.

Вот и строится Городище... Вот и не надо разбредаться в разные стороны. И новая изба с малиновыми наличниками не приснилась ей — нет, крепкий сруб из чистых округлых бревен венец за венцом растет на пепелище.

В ту же сторону глядел и Ромашка. Он тоже видел Городище, он видел даже стены своего нового дома. Но мысли его были о другом...

— Вот был бы я председатель, — вдруг сказал он, — я бы...

Все дружно рассмеялись:

— Ох, уж и председатель! Ну и председатель!

— А что ж? Я бы...

— Ты бы сразу весь колхоз и разогнал! — сказал Жень-

ка. — Тому — стучушку, тому — колотушку!.. Живо управился бы!..

— Дураки! — беззлобно сказал Ромашка. И, закинув руки за голову, стал глядеть в небо.

Но, помолчав, продолжал:

— Я бы таких лошадей завел! Я бы таких лошадей! Они бы у меня в оглоблях не стояли! Эх, видел я жеребца в совхозе — Бронзовый зовут. Темный, карий такой, блестящий, будто маслом смазанный!.. Голову поднял — не достанешь! А глаза так и сверкают, как молнии. А как запрягли — эх, буря мглою небо кроет! Как подхватил с места, только сиди! Вот такого жеребца я завел бы, а рабочих лошадей полный двор наставил бы. Они бы у меня сытые были, крепкие. Никакого воза не боялись бы!

Женька живо приподнялся и сел на старую кротовую кочку.

— А я бы... я бы нет! Я бы сразу всякие машины завел. Я бы сейчас, как весна, на пашню трактора двинул бы, каждый по шесть лемехов, да две бороны сзади... В одну сторону прошел — шесть борозд, в другую — еще шесть борозд. Пошли, загудели — только лемеха посверкивают!

— Тракторам-то бензин нужен!

— А лошадям-то овес! Не все равно? У меня бы дня три-четыре — и все в поле зачернело бы. Сей! Ну уж, а сеять, конечно, тоже не с лукошком бы вышел. Сейчас бы у меня сеялки пошли, они бы у меня семена-то по полю по зернышку разложили бы... Ну, а уж осенью — пустил бы я комбайны по полю, как корабли по морю! Уж душа не дрожала бы, что рожь осыплется, — только мешки подставляй.

— Понимаешь ты! Лошадь — живое существо! Ведь она все соображает, всякую дорогу помнит... Ведь с ней разговаривать можно. Поглядит на тебя глазом — ну, только слова не вымолвит! А машины что? Железо да дерево!

— А ты много понимаешь! А машина разве не соображает? Побольше, чем твоя лошадь, соображает. А еще и побольше, чем человек, и нигде не ошибется. Вот попробуй-ка сделай, что машина сделает!

— Но ведь лошадь ласку чувствует!

— А машина не чувствует? Вот не смажь ее да не походи за ней — она и работать не будет. Эту, брат, тоже не обманешь. Нет, был бы я председатель — у меня все хозяйство на машинах ходило бы, даже воду из колодца у меня ведра сами доставали бы.

Груня сорвала цветок журавельника, который ютился у самого ствола березы.

— А если бы я была председатель, — сказала Груня, разглядывая желтые тычинки в голубом венчике, — я бы и машины завела и лошадей. Пускай бы все работали. Косилка косит, а лошадь ее тащит...

— Может и трактор тащить!

— Нет, не может трактор. — Груня отбросила голубой цветок. — Он своими шипастыми колесами все луга покорежит. И сено из лесу — на чем повезешь? На лошади. А хлеб сдавать на чем везти? Опять на лошади...

— У меня бы хлеб на грузовиках возили.

— На грузовиках-то хорошо, пока сухо. А как грязь — так все твои грузовики на дорогах станут. Нет, была бы я председатель — у меня бы полный сарай всяких машин был и полный двор лошадей.

— И коров, — добавила Стенька.

— Да, и коров. Чтобы молока, сметаны всем сколько хочешь! Полные бидоны, полные бочки!

Стенька оживилась:

— А коров-то не простых надо, надо ярославок, черных с белым — они молочные!

— И потом, — Груня провела рукой вдоль горизонта, — по всей деревне насажала бы всяких цветов, больших цветов, садовых. Чтобы как начиналась весна, так вся наша улица зацвела бы — и голубым, и белым, и красным, и розовым... И до самой осени цвели бы у нас в палисадниках алые цветы — мальвы! Ах, было бы красиво у нас!

— А я бы — нет! — прервала Стенька. — Я бы лучше везде, везде яблонь насажала. Как началась весна, так все белым цветом покрыто. А подошла осень — тут ранеты поспе-

вают, там белый налив, тут коричневые, там антоновка... И даже под ноги падают! Ешь, сколько хочешь!

Стенька даже прижмокнула, будто яблоки уж у нее в подоле были.

— А что, ребята, — задумчиво сказал Женька, — если бы взяться! Если бы как взяться!

— Да и ничего страшного, — своим твердым, спокойным голосом сказал Ромашка. — Ну, скажем, лошадей и машины заводить мы пока еще не доросли, а вот яблони — почему бы нет?

Груня привстала на колени. Мечта вдруг откуда-то из-под облаков спустилась на землю и от этого стала еще пленительнее.

— Ребята! Ромашка! Женька! И правда, давайте подумаем! Давайте, давайте подумаем!

— Цветов насажаете, а колхоз разоренный, — неожиданно сказала Раиса скучным голосом. — Еще сколько домов строить, и скотного двора нет — скотина зимой на улице померзнет...

— Дома построят. И новый двор будет, — ответила Груня.

Она глядела куда-то вдаль — ей вспомнился весенний день, розовый кусочек разбитого блюдца, скворец над пожарищем и незнакомый человек в кителе, важный, спокойный человек с усталыми глазами... Груня снова услышала сказанные тогда слова:

«...Избы будут новенькие... желтые, со смолкой. Засверкают окнами. И стадо пойдет по деревне... И петухи запоют. И скотный двор новый поставим, со стойлами... Только очень крепко работать надо!»

— И новый двор поставим, — повторила Груня вслух, — со стойлами. И школа будет. К осени.

— Говорит, будто она знает! — засмеялась Стенька. — Тебе-то откуда знать?

— Да уж я знаю, — загадочно улыбнулась Груня, — я все знаю.

Протекло несколько светлых, задумчивых минут. Налетел ветерок, зашуршали, зашумели березовые листья над головой...

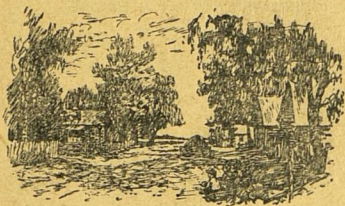
Груня вскочила, взяла грабли, подняла клок сена, помяла в руках:

— Думается — поспело. Наверно, убирать пора. Ромашка, погляди, ты лучше понимаешь!

Ромашка важно пощупал сено — почти невесомые стебельки ломались в руках.

— Пора, — сказал он.

И взялся за грабли.

К ЧИТАТЕЛЯМ

Издательство просит отзывы об этой книге присылать по адресу: Москва, М. Черкасский пер., д. 1, Детгиз.

2

Для младшего возраста

Ответственный редактор Л. Гульбинская. Художественный редактор Г. Вебер.
Технический редактор О. Чеботарева. Корректоры С. Локшина и Е. Трушковская.

Подписано к печати 9/X 1947 г. 6 п. л. (5,0 уч.-изд. л.). Тираж 30 000 экз.
А08975. Заказ № 907. Цена 4 р.

Фабрика детской книги Детгиза. Москва, Суцеский вал, 49.

1937. 430

~~2343~~

~~НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
ДОМА ДЕТЕЙ И КНИГИ
ДЕТГ 43А~~

Цена 4 руб.

250 =